

Джельсомино в Стране Лгунов
Джанни Родари

Аннотация

В сказочной истории повествуется о мальчике Джельсомино, наделенном необыкновенно громким голосом, разрушающим стены и совершающим другие чудеса. Наш герой попадет в город, где по указу короля все, даже животные, должны говорить неправду, Джельсомино вместе со своими друзьями и кошкой-хромоножкой свергает правителя, пытающегося развязать войну. И в этом ему помогает волшебный голос.

Джанни Родари

Сила правды

Дорогие ребята! Я очень рад передать вам привет и предложить вашему вниманию моего Джельсомино и его приключения в Стране Лгунов. Когда я писал эту книгу, я, конечно, помнил о ее будущих читателях и думал не только об итальянских ребятах, но и о ребятах всех стран, в том числе и о вас.

Сколько раз я останавливался и спрашивал себя: «Понравится ли эта страница советским детям? Будет ли для них смешным вот это или вот это место? ...» Но я почти уверен, что Джельсомино придется вам по душе. Сейчас я не скажу вам, как кончится вся эта история. Не стану говорить и о друзьях Джельсомино – о нарисованном котенке Цоппино, о художнике Бананито, о девочке Ромолетте, тетушке Панноккье, о Бен-венуто-не-присядь-ни-на-минуту, о врагах Джельсомино – о них вы узнаете из самой сказки. Я лучше расскажу вам, как пришла мне мысль написать эту сказку и почему я ее написал.

Мне кажется, что самые опасные враги человечества – это лжецы. На свете есть сотни тысяч лжецов. Лжец – это журналист, который пишет «свобода» и думает при этом о свободе, с которой капиталисты эксплуатируют рабочих, а империалисты выжимают соки из колониальных народов. Лжец – это тот, кто говорит «мир», а на деле стоит за войну. Лжец – это тот, кто болтает о «достоинстве человека», а на деле ратует за смирение и покорность, учит молчать перед лицом несправедливости, закрывать глаза перед нищетой. Не желая кого-нибудь обидеть, я полагаю, что лжецы водятся в любой части света. В каждой стране есть или были свои лжецы, и очень хорошо, если та или иная страна сумела одолеть ложь.

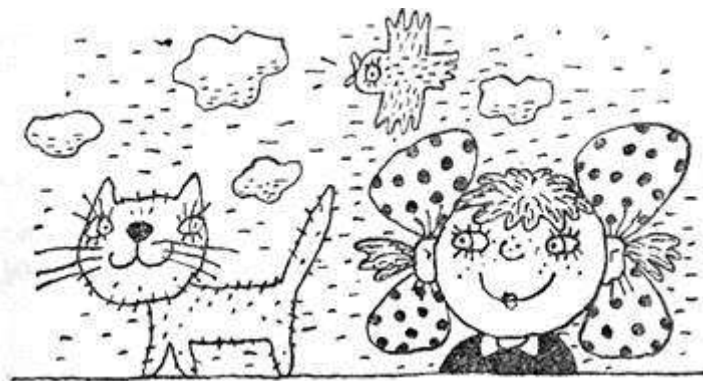
Я очень верю в силу правды. «Правда революционна», – сказал Антонио Грамши, основатель Итальянской компартии. Правда похожа на голос певца – тот голос, от которого дрожат оконные стекла. Певец может простудиться, охрипеть... Кажется, что он потерял го-

лос, но едва он выздоровеет и выйдет на сцену, как все увидят, что это не так.

Мне захотелось написать сказку о правде. Я написал ее безо всяких усилий – сказка эта сама пришла мне в голову и так стремительно потянула меня за собой, что я еле успевал записывать.

Не говорите, что сказки лгут. С помощью сказок тоже можно говорить правду. Ведь Пушкин прекрасно знал, что на свете не бывает золотых рыбок, умеющих к тому же разговаривать человеческим языком. А сколько правды в этой его сказке! Следует сказать, что Пушкин был гигантом, по сравнению с которым все мы выглядим цыплятами. Его голос гремел словно гром, а мой едва слышен в моем курятнике. Но ведь каждый цыпленок может в меру своих сил говорить правду! Я глубоко верю в сказки, которые говорят правду, верю, что такие сказки помогают сокрушать ложь. И, конечно же, я верю в хорошие сказки. Я мечтаю написать по-настоящему хорошую сказку, хорошую от первого слова до последнего, и обязательно правдивую. Я мечтаю об этом так же пылко, как инженер мечтает построить хорошую электростанцию, как столяр мечтает сделать хороший стол, который простоит на своих ножках двести лет и не покосится.

Ваш Джанни Родари
1957

Глава первая, в которой Джельсомино забивает гол, а потом начинается самое интересное

Эту историю Джельсомино рассказал мне сам. И я чуть было не оглох, пока дослушал ее до конца, хотя и набил себе в уши с полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино невероятно оглушительный голос. Даже когда он говорит шепотом, его слышат пассажиры реактивных самолетов, летящих на высоте десять тысяч метров над уровнем моря и над его головой.

Теперь Джельсомино уже знаменитый певец. Его знают повсюду – от Северного полюса до Южного! Он придумал себе громкое и пышное имя, но его даже не стоит упоминать здесь, потому что вы, конечно, сто раз встречали его в газетах. А в детстве его звали Джельсомино. Пусть же под этим именем он и действует в нашей истории.

Так вот, жил да был однажды самый обыкновенный мальчик, быть может, ростом даже поменьше других ребят. Но едва он появился на свет, как всем стало ясно, что природа наделила его совершенно необыкновенным голосом.

Джельсомино родился в глухую ночную пору, и люди в селении тотчас повскакали с постелей, вообразив, что слышат заводские гудки, зовущие на работу. Но это был всего-навсего крик Джельсомино, который пробовал голос, как это делают все только что появившиеся на свет дети. К счастью, Джельсомино быстро научился спать с вечера до утра, как и подобает всем порядочным людям, кроме газетных репортеров и ночных сторожей. Его первый крик раздавался ровно в семь часов утра, как раз в ту минуту, когда людям надо было вставать, чтобы идти на работу. Заводские гудки стали теперь ненужными, и их скоро выбросили на свалку.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошел в школу. Учитель начал переключку и вскоре дошел до буквы «Д».

– Джельсомино! – произнес он.

– Здесь! – радостно ответил новичок.

И вдруг раздался грохот – классная доска разлетелась на куски и превратилась в груды обломков.

– Кто разбил доску? – строго спросил учитель и взялся за указку.

Все молчали.

– Что ж, повторим переключку, – сказал учитель. Он снова начал с буквы «А».

– Это ты бросил камень? – спрашивал он каждого ученика.

– Не я... Не я... – испуганно отвечали мальчики. Когда учитель снова дошел до буквы «Д», Джельсомино встал и тоже вполне искренне сказал:

– Не я, синьор...

Но он не успел сказать «учитель» – оконные стекла последовали примеру доски. На этот раз учитель внимательно следил за классом и мог поручиться, что ни у кого из его сорока учеников не было в руках рогатки.

«Наверное, это напроказил кто-нибудь на улице, – решил он, – какой-нибудь сорванец, который, вместо того чтобы сидеть в классе, шатается с рогаткой и разоряет птичьи гнезда. Вот доберусь до него, возьму за ухо и отведу в полицию».

В то утро все на этом и кончилось. Но на следующий день учитель снова стал делать переключку и снова дошел до имени Джельсомино.

– Здесь! – ответил наш герой и гордо осмотрелся, в восторге оттого, что он снова в школе.

«Трах-тарарах-цвяк-цвяк-цвяк!» – сразу же ответило ему окно. Стекла, которые служитель вставил всего полчаса назад, посыпались во двор.

– Странное дело, – заметил учитель, – стоит дойти до твоего имени, как начинаются несчастья. А, все понятно, мой мальчик! У тебя слишком громкий голос! Когда ты кричишь, получается что-то вроде урагана. Так что, если ты не хочешь разорить школу и наше село, тебе придется отныне разговаривать только шепотом. Договорились?

Джельсомино, покраснев от стыда и смущения, попробовал возразить:

– Но, синьор учитель, это же не я! «Трах-бах-тарарах!» – отозвалась новая классная доска, которую служитель только что принес из магазина.

– А вот тебе и доказательство! – заключил учитель. Но, увидев, что по щекам Джельсомино текут крупные слезы, он подошел к мальчику и ласково погладил его по голове: – Послушай меня хорошенько, сынок. Твой голос может принести тебе либо множество бед, либо великое счастье. А пока старайся как можно реже пользоваться им. За хорошее молчание еще никого не бранили. Всем известно, что слово – серебро, а молчание – золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские мучения. В школе, чтобы не натворить новых бед, он сидел, зажав рот платком. Но все равно его голос так гремел, что остальным школьникам приходилось затыкать себе уши пальцами. Учитель старался вызывать его как можно реже. Но учился Джельсомино отменно, и учитель был уверен, что все уроки он знает назубок.

Ну а дома, когда Джельсомино, рассказывая о своих школьных подвигах, вдребезги разбил дюжину стаканов, ему тоже строго-настрога запретили открывать рот.

Чтобы отвести душу, Джельсомино уходил куда-нибудь подальше от селения – в лес, в поле или на берег озера. Убедившись, что он один и поблизости нет застекленных окон, Джельсомино ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно оживала: кроты, муравьи, гусеницы – в общем, все живущие под землей звери и насекомые разбежались кто куда, думая, что началось землетрясение. Только один-единственный раз Джельсомино позабыл про осторожность. Дело было в воскресенье, и на стадионе шла решающая футбольная встреча.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но игра мало-помалу захватила и его. И вот настал момент, когда местная команда, подгоняемая неистовыми криками своих болельщиков, бросилась в атаку. (Сам-то я не очень понимаю, что это такое – броситься в атаку, потому что плохо разбираюсь в футболе. Я пересказываю все это со слов Джельсомино. Но если вы читаете спортивные газеты, то уж, конечно, поймете, в чем тут дело.)

– Давай! Давай! – орали болельщики.

– Давай! – крикнул во весь голос и Джельсомино. Как раз в эту минуту правый крайний послал мяч

центральному нападающему. Но мяч, поднявшись на глазах у всех в воздух, вдруг на полдороге свернул в сторону и, гонимый какой-то неведомой силой, влетел прямо в ворота против-

ника.

– Гол! – взорвались зрители.

– Вот это удар! – воскликнул кто-то. – Видели, как тонко он был рассчитан? До одного миллиметра! У этого парня золотые ноги!

Но Джельсомино, придя в себя, понял, что допустил оплошность.

«Так и есть, – подумал он, – я забил этот гол своим голосом. Нужно будет взять себя в руки, а то спорту придет конец. И пожалуй, надо, чтоб было справедливо, – забью-ка я гол и в другие ворота. Тогда все встанет на свои места!».

Во втором тайме и в самом деле представился подходящий случай. Когда команда противника перешла в нападение, Джельсомино снова закричал: «Давай!» – и загнал мяч в ворота своей команды. Можете себе представить, как обливалось кровью его сердце! Даже через много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино сказал:

– Я бы дал отрубить себе палец, лишь бы не забивать этого гола! Но не забить его я не мог. Иначе было бы несправедливо.

– А ведь на твоём месте кто угодно подыграл бы своей любимой команде, – заметил я.

Кто угодно, но только не Джельсомино! Он был честен и правдив, как прозрачная родниковая вода. Таким он и рос, и скоро из мальчика стал юношей. Правда, роста он был скорее низкого, чем высокого, а сложения скорее щуплого, чем крепкого. Так что имя его – Джельсомино, что означает «маленький жасмин», – очень подходило ему. Будь у него имя потяжелее, он, пожалуй, нажил бы себе горб, нося его. Когда Джельсомино подрос, он оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом. Наверное, он так бы и прожил всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать о нём, не попади он в одну неприятную историю, о которой вы сейчас и узнаете.

Глава вторая, прочитав которую вы поймете, что если от вашего голоса падают груши, то лучше скрывать это от соседей

Однажды утром Джельсомино вышел в сад и увидел, что груши уже спели. Ведь груши – они такие: никому ни гугу, а сами зреют да спеют. И в одно прекрасное утро вы обнаруживаете вдруг, что они совсем уже спели и пора их снимать.

«Жаль, что я не захватил лестницу, – подумал Джельсомино. – Придется пойти за нею домой. А заодно уж захвачу и жердь, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в эту самую минуту ему пришла озорная мысль. «А если попробовать голосом?» – подумал он.

Он встал под грушевым деревом и не то в шутку, не то всерьез крикнул:

– А ну-ка, груши, падайте вниз!

«Пата-пум, пата-пум!» – ответили ему груши и дождем посыпались на землю.

Джельсомино подошел к другому дереву и проделал то же самое. И каждый раз, когда он кричал «Падайте!», груши, словно только того и ждали, срывались с веток и шлепались на землю. Джельсомино очень обрадовался.

«Я не затратил на это никакого труда, – подумал он. – Жаль, раньше не догадался, что голос может заменить и жердь, и лестницу!»

Пока Джельсомино собирал свои груши, его заметил крестьянин, работавший на соседнем огороде. Он протер глаза, ущипнул себя за нос, взглянул еще раз и, когда окончательно убедился, что не спит, сразу же со всех ног побежал за своей женой.

– Иди-ка посмотри, – сказал он, дрожа от страха. – Я думаю, наш сосед – злой колдун!

Жена взглянула на Джельсомино, упала на колени и воскликнула:

– Да что ты! Это же добрый волшебник!

– А я говорю тебе, что колдун!

– А я тебе говорю, что добрый волшебник!

До этого дня муж и жена жили довольно мирно. Теперь же один схватился за лопату, другая – за мотыгу, и оба приготовились защищать свое мнение с оружием в руках. Но тут крестьянин предложил:

– Давай позовем соседей. Пусть они тоже посмотрят, и послушаем, что они скажут!

Эта мысль понравилась женщине: ведь, созвав соседей, можно и поболтать с кумушками.

Она бросила мотыгу.

Еще до наступления вечера все селение знало о случившемся. Мнения разделились: одни утверждали, что Джельсомино добрый волшебник, другие – что он злой колдун. Споры разгорались и росли, словно волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули ссоры, и кое-кто даже пострадал. К счастью, легко. Так, например, один крестьянин обжегся трубкой, потому что, увлекшись спором, сунул ее в рот не тем концом. Полицейские не могли решить, кто прав, кто виноват, и поэтому никого не арестовывали, а только переходили от одной группы к другой и просили всех разойтись.

Самые упрямые спорщики направились к саду Джельсомино. Одни хотели прихватить что-нибудь на память, потому что считали эту землю волшебной, а другие шли, чтобы стереть домик Джельсомино с лица земли, потому что считали его заколдованным. Джельсомино, увидев толпу, решил, что вспыхнул пожар, и схватил ведро, чтобы помочь заливать огонь. Но люди остановились у его сада, и Джельсомино услышал, что речь идет о нем.

– Вот он, вот он! Добрый волшебник!

– Какой там волшебник! Это злой колдун. Видите, у него в руках заколдованное ведро!

– Давайте отойдем подальше! Еще плеснет на нас этой штукой – пропадем ни за грош!

– Какой штукой?

– Вы что, ослепли? В этом ведре смола! Прямехонько из ада! Попадет на тело хоть капля – насквозь прожжет. И ни один врач потом не залечит!

– Да нет же, он святой, святой!

– Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам поспевать, и они поспевали, приказывал падать, и они падали...

– Вы с ума сошли, что ли? – воскликнул Джельсомино. – Это же все из-за моего голоса! Когда я кричу, воздух беснуется, как в бурю...

– Да, да, мы знаем! – закричала какая-то женщина. – Ты творишь чудеса своим голосом.

– Это не чудеса! Это колдовство!

Джельсомино в сердцах швырнул на землю ведро, скрылся в доме и заперся на крюк.

«Ну вот и кончилась спокойная жизнь, – подумал он. – Теперь нельзя будет и шагу ступить, так и будут ходить за мной следом. По вечерам только и разговоров будет что обо мне. Моим именем начнут пугать непослушных ребятишек. Нет, лучше, пожалуй, уйти куда-нибудь отсюда. Да и что мне делать в этом селении? Мать с отцом умерли, друзья погибли на войне. Пойду-ка я по свету да попробую добыть счастье своим голосом. Говорят, есть люди, которым даже платят за их пение. Это очень странно – получать деньги за то, что доставляет такое удовольствие. Но все же за пение платят. Кто знает, быть может, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил свои скудные пожитки в заплечный мешок и вышел на улицу. Толпа зашумела и расступилась перед ним. Джельсомино не взглянул ни на кого. Он смотрел прямо перед собой и молчал. Но, отойдя подальше, обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа все еще не расходилась. Люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«Подшучу-ка я над ними на прощанье», – подумал Джельсомино и, вздохнув поглубже, заорал что было мочи:

– До свиданья!

В ту же минуту порывом ветра у мужчин сорвало шапки, а старушки бросились вдогонку за своими париками, прикрывая руками голые, как яичко, головы.

– Прощайте-е, прощайте-е-е! – повторил Джельсомино, от души смеясь над первой в своей жизни озорной проделкой.

Шапки и парики взвились, словно стайка перелетных птиц, к облакам и вскоре скрылись из виду. Потом стало известно, что они улетели за много километров, а некоторые из них даже за границу.

Через несколько дней Джельсомино тоже пересек границу и попал в самую необыкновенную страну, какая только может быть на свете.

Глава третья, в которой вы узнаете, откуда взялся Цоппино

Первое, что увидел Джельсомино, попав в эту незнакомую страну, была блестящая серебряная монета. Она лежала на мостовой, недалеко от тротуара, на самом виду.

«Странно, что никто не подобрал ее, – подумал Джельсомино. – Я-то уж, конечно, не пройду мимо. Мои деньги кончились еще вчера, а сегодня у меня во рту не было еще и маковой росинки».

Он подошел к кучке людей, которые наблюдали за ним и о чем-то шептались, и показал им монету.

– Не вы ли, синьоры, потеряли эту монетку? – спросил он шепотом, чтобы никого не напугать своим голосом.

– Проваливай, – отвечали ему, – да спрячь ее подальше, если не хочешь нажать неприятностей!

– Извините, пожалуйста, – смущенно пробормотал Джельсомино и, не задавая лишних вопросов, направился к магазину с многообещающей вывеской «Съестные припасы».

В витрине вместо колбас и банок с вареньем громоздились горы тетрадей, коробки акварельных красок и пузырьки с чернилами.

«Должно быть, это универмаг и здесь можно купить что хочешь», – решил Джельсомино и, полный надежд, вошел в магазин.

– Добрый вечер! – любезно приветствовал его хозяин.

«По правде говоря, – мелькнуло в голове Джельсомино, – я не слышал, чтобы пробило хотя бы полдень. Ну да ладно, не стоит обращать внимания на такие пустяки».

И, говоря своим обычным шепотом, от которого люди все-таки едва не глохли, он осведомился:

– Не могу ли я купить у вас хлеба?

– Разумеется, дорогой синьор. Вам сколько – один пузырек или два? Красного или фиолетового?

– Нет, нет, только не фиолетового! – испугался Джельсомино. – И потом, вы в самом деле продаете его бутылками?

Хозяин магазина расхохотался:

– А как же его еще продавать? Может быть, у вас его ломтями режут? Да вы только взгляните, какой прекрасный хлеб в моем магазине.

И, говоря это, он показал на полки, где ровными шеренгами выстроились сотни пузырьков с чернилами самых разных цветов. А съедобного там не было и в помине – ни крошки сыра, ни даже яблочной кожуры.

«Может быть, он сошел с ума? – подумал Джельсомино. – Если так, то лучше не перечить ему».

– Это верно, у вас великолепный хлеб, – согласился он, показывая на пузырек с красными чернилами. Уж очень ему хотелось услышать, что скажет хозяин.

– В самом деле? – просиял тот. – Это самый лучший зеленый хлеб, какой когда-либо поступал в продажу.

– Зеленый?

– Ну конечно. Простите, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино готов был поклясться, что перед ним пузырек с красными чернилами. Он уже придумывал подходящий предлог, чтобы убраться отсюда подобру-поздорову и поискать другого продавца, который еще не успел спятить с ума, как вдруг его осенила хорошая мысль.

– Послушайте, – сказал он, – за хлебом я найду попозже. А сейчас скажите мне, если вас не затруднит, где тут можно купить хороших чернил?

– О, пожалуйста! – ответил хозяин все с той же любезной улыбкой. – Вон там, перейдя через дорогу, вы найдете самый лучший в нашем городе канцелярский магазин.

В витринах этого магазина были выставлены аппетитные караваи хлеба, пирожные, макароны, лежали горы сыров и образовались целые заросли колбас и сосисок.

«Я так и думал, – решил Джельсомино, – тот продавец не в своем уме, оттого он и называет чернила хлебом, а хлеб чернилами. Этот магазин мне нравится гораздо больше».

Он вошел в магазин и попросил взвесить ему полкило хлеба.

– Хлеба? – удивился продавец. – Вы, наверное, ошиблись. Хлебом торгуют в магазине

напротив, а мы продаем только канцелярские товары. – И широким жестом он указал на съестные припасы.

«Теперь я понял, – сообразил Джельсомино, – в этой стране все называется наоборот! И если назовешь хлеб хлебом, тебя никто не поймет».

– Свешайте мне, пожалуйста, полкило чернил, – сказал он продавцу.

Тот отвесил полкило хлеба, завернул покупку по всем правилам в бумагу и протянул Джельсомино.

– И немножко вот этого, – добавил Джельсомино и показал на круг швейцарского сыра, не решаясь назвать его.

– Синьору угодно немного ластика? – подхватил продавец. – Сию минуту!

Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил его и завернул в бумагу.

Джельсомино облегченно вздохнул и бросил на прилавок серебряную монету.

Продавец взглянул на нее, взял в руки и стал внимательно рассматривать, затем два раза бросил на Прилавок, послушал, как она звенит, посмотрел на нее через увеличительное стекло и даже попробовал на зуб. Наконец он вернул ее Джельсомино и ледяным тоном произнес:

– Мне очень жаль, молодой человек, но ваша монета настоящая.

– Вот и хорошо! – обрадовался Джельсомино.

– Как бы не так! Повторяю вам: ваша монета настоящая и я не могу ее принять. Давайте сюда ваши покупки и идите своей дорогой. Ваше счастье, что мне лень идти на улицу и звать полицию. Разве вы не знаете, что полагается за хранение нефальшивых монет? Тюрьма.

– Да ведь я...

– Не кричите, я не глухой! Идите же, идите... Принесите мне фальшивую монету, и покупки – ваши. Видите, я даже не разворачиваю пакеты. Только отложу их в сторону, хорошо? Добрый вечер...

Чтобы не закричать, Джельсомино засунул в рот кулак. И пока он шел от прилавка к двери, между ним и его голосом происходил такой разговор:

Голос. Хочешь, я крикну «А-а!» и вдребезги разнесу его витрину?

Джельсомино. Пожалуйста, не делай глупостей. Ведь я только что попал в эту страну, у меня и так здесь ничего не ладится.

Голос. Но мне нужно отвести душу, иначе быть беде! Ты же мой хозяин, так придумай что-нибудь!

Джельсомино. Потерпи, пока мы не выйдем из этой уносной лавки. Не хочется разрушать ее...

Голос. Быстрее, я больше не могу! Вот... вот... сейчас заору... Еще минута, и все пропало...

Тут Джельсомино пустился бегом, свернул в тихую улочку, чуть пошире переулка, и быстро огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он вынул кулак из рта и, чтобы утихомирить бушевавшие в нем чувства, тихо, совсем негромко произнес: «А-а!» В ту же минуту ближайший уличный фонарь развалился на куски, а сверху, с какого-то подоконника, свалился на мостовую цветочный горшок.

Джельсомино вздохнул:

– Когда у меня будут деньги, я пошлю их по почте городскому управлению, чтобы возместить стоимость фонаря, и подарю владельцу цветочного горшка новый, еще лучше... Может быть, я разбил еще что-нибудь?

– Нет, больше ничего, – ответил ему тоненький-тоненький голосок, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино осмотрелся в поисках обладателя этого голоса и увидел котенка, вернее, какое-то существо, которое издали можно было принять за котенка.

Стоит произнести хоть одно правдивое слово, и на уплату штрафа уже не хватит собственной шкуры. За целую зиму, что я провел на этой стене, я увидел немало интересного.

И Цоппино подробно описал Джельсомино Страну Лгунов.

Глава четвертая, в которой вы найдете краткое, но весьма полное описание Страны Лгунов

– Да будет тебе известно, – начал Цоппино...

Но я немного сокращу рассказ котенка, чтобы не отнимать у вас лишнего времени, и вы узнаете только самое главное.

Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту страну, там появился хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомоне, что значит Большущий Джакомо. Он был до того огромен и толст, что носил свое тяжелое имя безо всякого труда. Но был он уже немолод и потому стал подумывать о том, как бы поспокойнее провести старость.

«Молодость прошла, и бороздить моря мне уже надоело, – решил он. – Брошу-ка я свое старое ремесло да поселюсь на каком-нибудь островке. И уж, конечно, не один, а вместе со своими пиратами. Я произведу их в мажордомы, сделаю лакеями, конюхами и управляющими, и они не будут в обиде на своего атамана».

Сказано – сделано. И пират стал подыскивать подходящий остров. Но все они были слишком малы для него. А если остров устраивал самого Джакомоне, то не нравился кому-нибудь из его шайки. Одному пирату непременно нужна была быстрая река, чтобы ловить в ней форель, другой хотел, чтобы на острове был кинотеатр, третий не мог обойтись без банка, где можно было бы получать проценты с пиратских сбережений.

– А почему бы нам не поискать что-нибудь получше острова? – сказали пираты.

Дело кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, в котором были и банки, и кинотеатры, и целый десяток речушек, где можно было удить форель и кататься по воскресеньям на лодке. И в этом нет ничего удивительного – то и дело случается, что какая-нибудь пиратская банда захватывает ту или иную маленькую страну.

Завладев государством, Джакомоне решил назвать себя королем Джакомоне Первым, а своим приближенным он присвоил титулы адмиралов, камергеров и начальников пожарных команд.

Разумеется, Джакомоне тут же издал приказ, которым повелевал именовать себя «ваше величество», а каждому, кто ослушается, отрезать язык. И чтобы никому не приходило в голову говорить о нем правду, он приказал своим министрам составить новый словарь.

– Нужно поменять местами все слова! – пояснил он. – Например, слово «пират» будет означать «честный человек». Если кто-нибудь назовет меня пиратом, он попросту скажет на новом языке, что я честный мальчик!

– Клянемся всеми китами, на глазах у которых мы шли на абордаж, шикарная мысль! – с восхищением воскликнули пираты-министры. – Прямо хоть вставляй ее в рамку и вешай на стену!

– Значит, понятно? – продолжал Джакомоне. – Тогда пойдем дальше. Измените названия всех предметов, имена людей и животных. Для начала пусть люди вместо доброго утра желают друг другу спокойной ночи. Таким образом, мои верные подданные будут каждый свой день начинать со лжи. Ну и, само собой разумеется, ложась спать, надо будет пожелать друг другу приятного аппетита...

– Великолепно! – воскликнул один из министров. – Ведь для того, чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы прекрасно выглядите!», нужно будет произнести: «До чего же у вас мерзкая рожа!»

Когда отпечатали новый словарь и обнародовали «Закон об обязательной лжи», началась невероятная путаница.

На первых порах люди то и дело ошибались. Они шли, например, за хлебом в булочную, забывая, что там теперь продают тетради и карандаши и что хлеб нужно покупать в магазине канцелярских товаров. Или же шел человек гулять в городской парк, смотрел на цветы и радовался:

– Какие чудесные розы!

В ту же минуту из-за кустов выскакивал стражник короля Джакомоне, держа наготове наручники:

– Ай-ай-ай! Как это вы додумались назвать морковку розой? Вы нарушили главный закон страны!

– Прошу прощения, – растерянно бормотал несчастный и поспешно принимался расхваливать все остальные цветы.

– Какая восхитительная крапива! – говорил он, указывая на фиалки.

– Бросьте заговаривать мне зубы!... Прощтрафились – так посидите немного в тюрьме, там вас научат лгать по всем правилам!

А что началось в школах – это и описать невозможно.

Джакомоне велел поменять местами все цифры в таблице умножения. Чтобы произвести умножение, надо было делить, чтобы складывать, надо было вычитать. Сами учителя не могли больше решить ни одной задачи, и для всех лодырей наступило сущее раздолье: чем больше они делали ошибок, тем лучше получали отметку.

А сочинения? Можете себе представить, какие получались у ребят сочинения, если все слова перепутались! Вот, например, сочинение на тему «Летний день». Его написал ученик, которого потом наградили фальшивой золотой медалью.

«Вчера шел дождь. Как приятно гулять под проливным дождем, который льет, словно из ведра! Наконец-то люди смогут оставить дома свои плащи и зонтики и гулять без пиджаков! Я не люблю, когда светит солнце, – приходится сидеть дома, иначе промокнешь, и целую ночь напролет приходится смотреть, как струи дождя заливают черепицы дверей».

Чтобы как следует оценить эту работу, надобно знать, что выражение «черепицы дверей» означало на новом языке «оконные стекла».

Словом, вы уже поняли, о чем идет речь. В Стране Лгунов даже животным пришлось научиться лгать – собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали, а льва, что сидел в клетке в зоопарке, заставили пищать, потому что рычать теперь должны были мыши.

Только рыбам да птицам не было никакого дела до законов короля Джакомоне. Ведь рыбы и так всю жизнь молчат, и никто не может заставить их лгать, а птицы летают по воздуху, и королевской страже их не поймать. И птицы продолжали теть, как ни в чем не бывало, каждая своим голосом. Люди часто с грустью смотрели на них: «Счастливые! Их-то никто не может оштрафовать или посадить в тюрьму...»

Слушая рассказ котенка, Джельсомино совсем пал духом. «Как же я стану жить в этой стране? – размышлял он. – Если я своим громким голосом нечаянно окажу правду, меня услышит сразу вся полиция короля Джакомоне. А голосу не прикажешь, того и гляди у меня не хватит сил сдерживать его...»

– Ну вот, – закончил свой рассказ Цоппино, – теперь ты все знаешь. Давай поговорим о другом: я хочу есть.

– Я тоже... Только я чуть не забыл об этом.

– Голод – это единственное, о чем невозможно забыть. Голод не проходит со временем, наоборот – чем больше проходит времени, тем сильнее голод напоминает о себе. Но сейчас мы что-нибудь придумаем. Только сначала я хочу попрощаться с этой стенкой, которая так долго держала меня в плену.

И своей красной меловой лапкой он написал на самой середине того отпечатка, который оставил на стене:

МЯУ! ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Раздобыть еду оказалось делом нелегким. Все время, пока они бродили по городу, Джельсомино смотрел в землю, надеясь набрести на фальшивую монету. А Цоппино – тот, напротив, смотрел по сторонам, словно выискивая кого-то из знакомых.

– Вот она! – вдруг обрадовался он, указывая на пожилую женщину, которая торопливо шла по панели, сжимая в руке какой-то сверток.

– Кто это?

– Тетушка Панноккья, покровительница котов. Каждый вечер она приносит кулек обедков для бездомных кошек, которые собираются возле королевского парка, Тетушка Панноккья – иначе говоря Кукуруза – была очень суровой на вид. Чуть не два метра ростом, длинная, тощая и прямая, как палка, она походила на тех старух, которые обычно метлой гоняют бездомных кошек. Но, по словам Цоппино, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за тетужкой Панноккьей, Джельсомино и его новый друг пришли на небольшую площадь, в глубине которой виднелась каменная ограда парка, утыканная бутылочными оскол-

ками. Десяток тощих, облезлых котов встретил старушку нестройным лаем. – Вот дураки-то, – сказал Цоппино. – Смотри, какую я с ними сейчас сыграть шутку.

И едва тетушка Панноккья, развернув свой сверток, выложила объедки на землю, Цоппино врзался в самую гущу котов и завопил что было мочи: «Мяу!» Кот, который мяукает, а не лает! Для здешних котов это было как гром среди бела дня. Открыв рот от удивления, они так и замерли на месте, словно статуи. А Цоппино ухватил зубами две тресковые головы и селечный хвост, в два прыжка перемахнул через ограду парка и скрылся в кустах.

Джельсомино осмотрелся. Его тоже подмывало перебраться через ограду, и он, пожалуй, так бы и сделал, если б тетушка Панноккья не посматривала на него с подозрением.

«Чего доброго, еще поднимет тревогу», – подумал Джельсомино и, сделав вид, будто он просто идет сво ей дорогой, свернул на другую улицу.

Коты тем временем пришли в себя от изумления и теперь с лаем дергали за подол тетушку Панноккью. Она, по правде говоря, была поражена еще больше, чем коты. Потом тетушка вздохнула, раздала котам оставшиеся объедки, бросила последний взгляд на ограду, за которой скрылся Цоппино, и отправилась домой.

А Джельсомино, едва завернул за угол, сразу же нашел долгожданную фальшивую монету. Он купил себе хлеба и сыру, или, как говорили в тех краях, «пузырек чернил и ломоть ластика».

Быстро спускалась ночь. Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев поблизости какую-то незапертую дверь, он проскользнул в нее, топал в какой-то сарай и тут же заснул крепким сном на куче угля.

Глава пятая, в которой Цоппино случайно узнает тайну короля Джакомоне

Пока Джельсомино спит, не подозревая, что, еще не проснувшись, уже станет героем нового приключения, о котором речь впереди, мы с вами отправимся по следам трех красных лапок котенка Цоппино. Тресковые головы и селечный хвост показались ему восхитительными. Ведь он поел впервые в жизни! Потому что пока он был на стене, ему не приходилось испытывать голод.

«Жаль, что здесь нет Джельсомино! – подумал котенок. – Он спел бы Джакомоне серенаду и перебил бы ему все стекла».

Взглянув наверх, он увидел, что несколько окон во дворце еще освещены.

«Наверное, король Джакомоне ложится спать, – подумал Цоппино. – Не упустить бы это зрелище!»

И он с поистине кошачьей ловкостью вскарабкался по стене на последний этаж дворца и прильнул к окну огромного зала, который находился перед спальней его величества.

Двумя нескончаемыми рядами стояли лакеи, слуги, придворные, камергеры, адмиралы, министры и разные другие важные господа. И все они низко кланялись проходящему Джакомоне. А он был огромный, толстый и страшно уродливый. Однако у него были очень красивые оранжево-огненные волосы – длинные, вьющиеся – и фиолетовая ночная рубашка с вышитым на груди королевским именем.

Низко кланяясь королю, придворные почтительно говорили:

– Доброе утро, ваше величество! Приятного аппетита, ваше величество!

Иногда Джакомоне останавливался и сладко зевал. В ту же минуту один из придворных прикрывал ему рот рукой. Зевнув, король двигался дальше и бормотал:

– Сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я чувствую себя свеженьким, как огурчик...

Разумеется, все это означало совсем обратное. Привыкнув, что все вокруг него лгут, король и сам стал врать направо и налево, и сам же первый верил своим словам.

– У вашего величества сегодня невероятно мерзкая рожа! – с поклоном заметил один из придворных.

Джакомоне метнул на него яростный взгляд, но вовремя спохватился. Ведь эти слова надо было понимать иначе: «Как вы прекрасно выглядите!» Поэтому он милостиво улыбнулся, еще раз зевнул, жестом приветствовал придворных и, подобрав подол своей фиолетовой ночной рубашки, проследовал в спальню.

Цоппино решил продолжить свои наблюдения и перешел к другому окну.

Как только его величество остался один, он устремился к зеркалу и стал расчесывать золотым гребнем свою великолепную оранжевую шевелюру.

«Ишь как он заботится о своих волосах! – мелькнуло у Цоппино. – Впрочем, не зря, они и в самом деле очень хороши. Только одно мне непонятно – как мог человек с такими волосами стать пиратом. Ему бы следовало стать художником или музыкантом...»

А Джакомоне между тем положил гребешок, осторожно взял свою прическу за пряди у висков и... спокойно снял ее с головы! Даже индеец не смог бы лучше оскальпировать своих непрошенных гостей.

– Парик! – изумился Цоппино.

Да, роскошная оранжевая шевелюра легко снималась и надевалась. И под ней король Джакомоне прятал свою противную розовую, покрытую шишками лысину. Джакомоне с грустью посмотрел на себя в зеркало, потом открыл шкаф и... Цоппино так и замер от удивления. В шкафу хранилась целая коллекция самых разнообразных париков. Тут были парики с белокурыми, голубыми, черными, зелеными волосами, причесанными на самый различный манер. Джакомоне на людях всегда показывался только в оранжевом парике, но перед сном, оставшись один, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Это случается у многих людей, достигших пожилого возраста. Но так уж глуп был король Джакомоне – он приходил в отчаяние при виде своей головы, лишенной растительности.

На глазах Цоппино его величество примерил один за другим с полсотни париков. Он прохаживался перед зеркалом, любуясь собой и анфас и в профиль, и с помощью маленького зеркальца разглядывая свой затылок, будто артист перед выходом на сцену. Наконец он облюбовал маленький фиолетовый паричок, под цвет своей ночной рубашки. Напялив его на свою плешь, он улегся в постель и погасил свет.

Цоппино еще с полчаса провел на подоконнике, заглядывая в окна. Конечно, это неприлично – если уж подслушивать у дверей некрасиво, то заглядывать в окна тоже неприлично. Впрочем, вас это не касается, ведь вы не кошки и не акробаты, чтобы лазать по стенам...

Особенно понравился Цоппино один камергер, который, прежде чем улечься спать, скинул с себя свой придворный костюм, расшвырял по углам кружева, ордена и украшения, а потом надел – угадайте, что? – свою старую пиратскую одежду: штаны до колен, клетчатую куртку и черную повязку на правый глаз. В таком виде старый пират забрался не в постель, а на самый верх балдахина, возвышавшегося над кроватью. Должно быть, он истосковался по бочке наверху грот-мачты пиратского судна, сидя в которой он выискивал добычу. Потом он зажег грошовую трубку и стал жадно вдыхать вонючий дым, от запаха которого Цоппино едва не закашлялся.

«Подумать только, – сказал себе наш наблюдатель, – до чего же сильна правда!... Даже старый пират любит свою настоящую одежду...»

Цоппино решил, что было бы неразумно ночевать прямо в парке, рискуя угодить в лапы часовых. Поэтому он снова перескочил через ограду и оказался на главной площади города, на той самой, где обычно собирался народ, чтобы послушать речи короля Джакомоне. Цоппино стал поглядывать по сторонам в поисках пристанища, как вдруг почувствовал, что у него зачесалась передняя лапка.

«Странно, – пробормотал он, – значит, у его величества водятся блохи... Или, может, у того старого пирата?...»

Цоппино осмотрел лапку, но не нашел ни одной. Но дело было вовсе не в блохе: лапка-то чесалась не снаружи, а внутри.

«Наверное, – заключил он, – я должен написать что-нибудь на стене. Помню, вчера вечером, когда я благодаря Джельсомино соскочил со стены, моя лапка чесалась точно так же. Оставлю-ка я этому королю лгунов небольшое послание!»

Он осторожно подкрался к королевскому дворцу и посмотрел на стражников. Как и следовало ожидать, стражники в этом королевстве шиворот-навыворот крепко спали и храпели, обнимая швабры вместо ружей. Время от времени начальник охраны обходил посты и проверял, не проснулся ли кто-нибудь из них.

«Вот и хорошо», – обрадовался Цоппино. И своей красной меловой лапкой он написал на стене королевского дворца, у самых главных ворот:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

«Эта надпись здесь как раз на месте! – сказал он себе, полюбовавшись на свою работу. – Пожалуй, стоит написать то же самое и по другую сторону ворот».

Через четверть часа, исписав все стены, он устал, точно школьник, который переписывал заданный ему в наказание за ошибки урок.

– Ну, а теперь можно и соснуть!

На самой середине площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомоне. Только все это была чистая неправда. Потому что король Джакомоне никогда никаких подвигов не совершал. Тем не менее тут можно было видеть, как Джакомоне раздает беднякам свои сокровища, как обращает в бегство своих врагов, как изобретает зонтик, чтобы укрыть от дождя своих подданных.

На вершине этой колонны было достаточно места, чтобы котенок, у которого и лап-то всего три, мог провести ночь, не опасаясь, что его застигнут врасплох. Цепляясь за статуи, Цоппино вскарабкался на самый верх, улегся там, обмотал свой хвост вокруг громоотвода, чтобы не свалиться ночью вниз, и заснул раньше, чем успел закрыть глаза.

Глава шестая, в которой вы услышите неудачную речь и увидите, как Цоппино попадает в плен

Рано утром котенка разбудил шум водопада.

«Неужели, шока я спал, началось наводнение?» – в тревоге подумал Цоппино.

Он взглянул вниз и увидел, что вся площадь запружена народом. И без долгих раздумий было ясно, что всех этих людей привела сюда надпись на стене королевского дворца:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

В Стране Лгунов любая, даже самая крохотная правда производила столько же шума, как и взрыв бомбы. На площадь со всех сторон стекался народ, привлеченный шумом и хохотом. Люди думали поначалу, что объявлено какое-нибудь празднество.

– Что случилось? Мы победили в какой-нибудь войне?

– Нет! Гораздо важнее!

– У его величества родился наследник?

– Да нет! Еще лучше.

– Неужели отменили налоги?

Наконец, прочтя надпись, сделанную Цоппино, вновь прибывшие тоже начинали смеяться. Выкрики и хохот разбудили короля Джакомоне. В своей фиолетовой ночной рубашке его величество подбежал к окну и потер от радости руки:

– Вот это да! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Люди собрались на площади, чтобы пожелать мне доброй ночи. Эй, придворные, камергеры, адмиралы! Быстрее, быстрее подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь!

Но придворные не очень-то разделяли его восторги.

– Пусть кто-нибудь сначала выяснит, что там происходит!

– Ваше величество, а что, если там революция?

– Ерунда! Вы что, не видите, как они веселятся?...

– Видать-то вижу. Вот только почему они веселятся?...

– Это яснее ясного: потому что я сейчас произнесу речь! Где мой секретарь?

– Я здесь, ваше величество!

Секретарь короля Джакомоне всегда носил под мышкой толстую черную папку, полную готовых речей. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, и все они, от первой до последней, были лживы.

Секретарь раскрыл папку, вытащил толстую пачку листков и прочел:

– «Речь о выращивании макарон».

– Нет, нет, только, пожалуйста, без съестного! Чего доброго, мои подданные еще захотят есть и будут слушать меня без всякой охоты.

– «Речь об изобретении качалок»... – предложил секретарь.

– Эта, пожалуй, сойдет. Всем известно, что качалки изобрел я. Пока я не стал королем, ни одна качалка в государстве не качалась.

– Ваше величество, есть еще «Речь о цвете волос».

– Великолепно! Вот это как раз то, что нужно! – воскликнул Джакомоне и погладил свой парик.

Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При его появлении раздался какой-то шум, который можно было принять и за рукоплескания, и за еле сдерживаемый смех. Подозрительные придворные решили, что это смех, и стали еще подозрительнее. Но сам Джакомоне был уверен, что это аплодисменты. Он поблагодарил подданных ослепительной улыбкой и начал свою речь.

Если б вы прочли ее в том виде, в каком она была произнесена, вы бы не поняли ни слова, потому что все в этой речи было вывернуто наизнанку. Я перевел ее для вас на обыкновенный язык, когда выслушал рассказ Джельсомино.

Король Джакомоне сказал примерно следующее:

– Что такое голова без волос? Это сад без цветов!

– Bravo! – закричали в толпе. – Что верно, то верно! Это правда!

Слово «правда» заставило насторожиться даже самых простодушных придворных. Но Джакомоне как ни в чем не бывало спокойно продолжал:

– Пока я не стал вашим королем, люди в отчаянии рвали на себе волосы. Жители страны лысели один за другим, и парикмахеры оставались без работы.

– Bravo! – крикнул кто-то. – Да здравствуют парики и парикмахеры!

На минуту Джакомоне смутился. Намек на парики вызвал в нем некоторое беспокойство. Но он быстро отогнал подозрения и продолжал:

– А сейчас, граждане, я расскажу вам, почему оранжевые волосы красивее зеленых...

Но тут какой-то запыхавшийся придворный потянул Джакомоне за рукав и шепнул на ухо:

– Ваше величество, произошли ужасные события!

– Ну, говори!

– Пообещайте раньше, что вы не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду!

– Обещаю!

– Кто-то написал на стене, что вы носите парик! Над этим люди и смеются!

От удивления король лгунов выпустил из рук свою речь. Листы бумаги поплавали над толпой и наконец угодили в руки мальчишек. Если б королю сообщили, что горит его дворец, он не пришел бы в большую ярость. Он приказал полицейским очистить площадь и немедленно отрезать язык придворному, принесшему роковое известие. Бедняга в спешке попросил, чтобы ему оставили язык, но совсем забыл, что надо было просить не отрезать ему носа. Вспомни придворный об этом, он, самое большое, лишился бы носа, зато язык сохранился бы в целости.

Но на этом Джакомоне не успокоился. По всему королевству было объявлено, что сто тысяч фальшивых талеров получит тот, кто укажет человека, оскорбившего его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, воздвигли гильотину, чтобы отсечь голову автору дерзких надписей.

– Мама дорогая! – воскликнул Цоппино, сидя на самом вершине колонны, и покрутил шеей. – Не знаю, как на языке лгунов сказать «страх», но если для этого употребляют слово «храбрость», то я чувствую себя храбрым как лев...

Из осторожности он целый день просидел в своем или, вернее, на своем убежище. К вечеру, когда уже можно было не так опасаться каких-либо неприятностей, Цоппино соскользнул с колонны, предварительно осмотревшись по сторонам раз пятьдесят. Когда он коснулся земли, его задние лапы хотели было побежать, но передняя лапа вдруг опять стала невыносимо чесаться.

– Ну вот, опять начинается, – пробормотал Цоппино. – Думаю, что освободиться от этого зуда можно лишь одним способом: надо написать что-нибудь обидное для короля Джакомоне.

Видно, если ты родился нарисованным на стене, тебе всю жизнь суждено и самому писать да рисовать. Правда, поблизости нет ни одной стены... А, была не была, напишу вот здесь!

И своей красной меловой лапкой он написал прямо на ноже гильотины:

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЛЫС, И ЭТО – ЧИСТАЯ ПРАВДА!

Зуд прошел, но Цоппино с беспокойством заметил, что лапка укоротилась чуть ли не на целый сантиметр.

«У меня и так не хватает одной лапки, – в тревоге подумал он. – Если я истрочу вторую на свои литературные упражнения, как же я буду ходить?»

– Ну пока что тебе помогу я! – раздался за его спиной чей-то голос.

Будь это только голос, Цоппино мог бы задать стрекача. Но у обладателя голоса оказалась еще и пара крепких рук, которые цепко ухватили его. Голос и руки принадлежали пожилой синьоре двухметрового роста, тощей и суровой...

– Тетушка Панноккья!

– Я самая, – прошипела старая синьора. – И тебе придется отправиться со мной. Я покажу тебе, как воровать ужин у моих котов и писать мелом на стенах!

Цоппино безропотно дал завернуть себя в плащ, тем более что в воротах дворца появились двое полицейских.

«Хорошо еще, что тетушка Панноккья пришла раньше, – подумал Цоппино. – Лучше угодить в ее плащ, чем в лапы Джакомоне».

Глава седьмая, в которой Цоппино дает уроки мяуканья

Тетушка Панноккья принесла Цоппино домой и пришила его к креслу. Да, да, взяла нитку с иголкой и пришила, точно он был рисунком для вышивания. А прежде чем отрезать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошелся шов.

– Тетушка Панноккья, – сказал Цоппино, стараясь видеть во всем только веселую сторону, – вы бы хоть взяли голубую нитку, она больше идет к моей расцветке! Эта оранжевая просто ужасна: она напоминает парик короля Джакомоне.

– Не будем говорить о париках, – отвечала тетушка Панноккья, – гораздо важнее, чтобы ты сидел смиренно и не улизнул от меня, как вчера вечером. Такие звери, как ты, встречаются не часто, а от тебя я жду многого.

– Я самый обыкновенный котенок, – скромно заметил Цоппино.

– Ты котенок, который мяукает, а в наши дни таких раз-два и обчелся. Все коты стали лаять, как собаки, и, конечно же, у них ничего не выходит, потому что родились они не для этого. Я же люблю кошек, а не собак. У меня семь котов. Они спят на кухне под умывальником. И всякий раз, когда они раскрывают рот, я готова выгнать их на улицу. Я много раз пыталась научить их мяукать, но они совершенно не слушаются меня. Наверное, не верят, что так надо.

Цоппино почувствовал симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла его от полицейских и которой, видимо, здорово надоели лающие коты.

– Как бы там ни было, – продолжала тетушка Панноккья, – котами мы займемся завтра. На сегодня у нас есть дела поважнее.

Она подошла к небольшому шкафчику и достала из него книгу. Цоппино успел прочесть заголовок. Книга называлась «Трактат о чистоте».

– А теперь, – заявила тетушка Панноккья, удобно устроившись в кресле напротив Цоппино, – я прочитаю тебе эту книгу от первой главы до последней.

– Сколько же в ней страниц, тетушка Панноккья?

– Не так уж много. Всего восемьсот двадцать четыре, включая оглавление, чтение которого мы отложим на завтра... Итак, «Глава первая. Почему не следует писать на стенах свое имя. Имя – вещь важная. Именем нужно дорожить, оно дается не для того, чтобы швыряться им направо и налево. Нарисуйте красивую картину, и тогда вы можете поставить под ней свою подпись. Сделайте хорошую статую, и на ее пьедестале ваше имя будет как нельзя более кстати. Придумайте новую машину, и вы с полным правом можете назвать ее своим именем. Только те люди, кото-

рые не делают ничего полезного, пишут свое имя на заборах и стенах, потому что больше им некуда его поставить...»

– Я согласен с этим, – заявил Цоппино. – Но ведь я писал на стенах не свое имя, а имя короля Джакомоне.

– Молчи и слушай! «Глава вторая. Почему не нужно писать на стенах имена своих друзей...»

– У меня есть только один друг, – сказал Цоппино, – но теперь я потерял его. Я не хочу слушать эту главу, она слишком грустная...

– Хочешь или не хочешь, а придется слушать, потому что тебе все равно даже не пошевелиться.

Но в эту минуту зазвонил звонок, и тетушка Панноккья встала, чтобы открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. О том, что это девочка, можно было догадаться только по ее прическе – пучок волос наподобие конского хвоста, собранный на затылке. А одета она была совсем как мальчишка: на ней были спортивные брюки и клетчатая рубашка.

– Ромолетта! – воскликнул Цоппино вне себя от изумления.

Девочка смотрела на него, словно хотела что-то припомнить.

– Где мы с тобой встречались?

– Как это – где? Ведь я могу назвать тебя чуть ли не своей мамой! Тебе ничего не напоминает моя расцветка?

– Она напоминает мне кусочек мела, который я взяла однажды в школе...

– Взяла? – спросила тетушка Панноккья, – А учительнице ты об этом сказала?

– Не успела, – объяснила Ромолетта. – Как раз в это время прозвенел звонок на большую перемену.

– Превосходно, – сказал Цоппино, – можно сказать, что я сын этого самого школьного мелка. Поэтому-то я и родился таким образованным котенком: говорю, читаю, пишу, да еще и устный счет знаю. Конечно, нарисуй ты меня со всеми четырьмя лапками, я был бы тебе еще больше благодарен, но я и так очень доволен.

– Я тоже очень рада тебя видеть, – улыбнулась Ромолетта. – У тебя, наверное, есть что рассказать.

– Все довольны, кроме меня, – вмешалась тетушка Панноккья. – Насколько я понимаю, вам обоим невредно послушать, что написано в этой книге. Ромолетта, садись сюда.

Девочка подвинула кресло и, скинув туфли, уютно устроилась в нем. Тетушка Панноккья принялась читать третью главу, в которой объяснялось, почему не следует писать на стенах слова, оскорбительные для прохожих.

Цоппино и Ромолетта слушали ее с большим вниманием. Цоппино – потому что был пришит и ничего другого ему не оставалось, а Ромолетта – потому что явно чего-то ждала, об этом можно было догадаться по ее плутоватому личику.

Дойдя до десятой главы, тетушка Панноккья стала позевывать. Сперва она зевала раза два на каждой странице, потом зевки стали учащаться: три на страницу, четыре, потом по зевку на каждые две строчки... по зевку на строчку... по зевку на каждое слово... Наконец последний зевок, который был продолжительнее всех прочих, и, когда рот доброй синьоры закрылся, вместе с ним закрылись и ее глаза.

– Вот всегда так, – сказала Ромолетта, – дойдет до половины книги и засыпает.

– Неужели нужно ждать, пока она проснется? – спросил Цоппино. – Она пришила меня до того крепко, что, захоти я зевнуть, я бы не мог открыть рта. А ведь мне нужно разыскать друга, которого я не видел со вчерашнего вечера.

– Положись на меня, – сказала Ромолетта.

Она взяла маленькие ножницы и осторожно разрешила нитки, которыми был пришит котенок. Цоппино потянулся, прыгнул на пол, походил взад-вперед, разминая затекшие лапы, и наконец с удовольствием вздохнул.

– Скорее, – шепнула Ромолетта, – идем через кухню!

В кухне была кромешная тьма, и только в одном углу, примерно там, где висел умывальник, блестело четырнадцать зеленых огоньков.

– Я чувствую кошачий запах, – сказал Цоппино, – точнее, я чувствую запах семерых котов.

– Это тетины коты.

Со стороны умывальника донеслось веселое фыркание.

– Братец, – сказал какой-то голос, – ты, видно, не только хром, но и слеп! Не видишь, что ли? Ведь мы такие же собаки, как и ты!

– Опять мне попались коты-лгуны! – воскликнул Цоппино, не на шутку рассердившись. – Ваше счастье, что мне некогда, а то бы вы познакомились с моими когтями и живо бы научились мяукать. И тетушка Панноккья мне только спасибо сказала бы.

– Гав! Гав! – хором возмутились все семеро котов.

Цоппино прихрамывая прошелся по кухне и свернулся клубком под самым носом у своих единоплеменников.

– Мяу! – с вызовом произнес он. Семеро котов были задеты за живое.

– Слышали? – сказал самый маленький котенок. – Он умеет мяукать!

– Да, и для собаки совсем неплохо.

– Мяу! – повторил Цоппино. – Мяу, мяу, мяу!

– Он, наверное, работает звукоподражателем на радио, – предположил самый старый кот. – Не обращайтесь на него внимания. Он просто напрашивается на аплодисменты.

– Мяу! – снова сказал Цоппино.

– По правде говоря, – пробормотал другой кот, – я бы тоже хотел помяукать. Если хотите знать, мне надоело лаять. Каждый раз, когда я лаю, меня охватывает такой страх, что шерсть становится дыбом.

– Глупышка, – сказал Цоппино, – чего же ты пугаешься? Что ты кот, а не собака?

– Пожалуйста, без оскорблений! Хватит с нас и того, что мы тебя слушаем. Еще неизвестно, кто ты такой.

– Я такой же кот, как и вы!

– Собака ты или кот, а помяукать я бы не отказался.

– А ты попробуй! – не отставал Цоппино. – Тебе понравится! Во рту станет сладко, как...

– Как от молока, что дает нам тетушка Панноккья?

– Во сто раз слаще!

– Пожалуй, я бы попробовал... – сказал самый маленький котенок.

– Мяу, мяу, мяу! – соблазнял их Цоппино. – Смелее, братцы коты, учитесь мяукать!

И тут Ромолетта, хохотавшая до слез, вдруг услышала, как самый маленький котенок робко мяукнул. Второй кот поддержал его, затем к ним присоединился третий кот. И вскоре уже все семеро котов тетушки Панноккьи замяукали, словно семь расстроенных скрипок, а Цоппино громче всех.

– Ну как?

– И в самом деле сладко!

– Слаще, чем молоко с сахаром!

– Тише! – вмешалась Ромолетта. – Еще разбудите тетушку Панноккью. Пойдем, Цоппино!

Но было уже поздно. Тетушка Панноккья проснулась и уже стояла в дверях кухни. Щелкнул выключатель, и все увидели счастливое, мокрое от слез лицо старой синьоры.

– Кисаньки вы мои! Наконец-то! Наконец-то замяукали!

Цоппино и Ромолетта были уже во дворе. А семеро котов сначала растерялись, не понимая, что означают два ручейка, текущие по щекам тетушки Панноккьи, а потом замяукали еще громче и один за другим выскочили на улицу.

Тетушка Панноккья, утирая слезы, вышла вслед за ними.

– Умницы! Вот умницы! – повторяла она в волнении.

И коты отвечали ей:

– Мяу!

Но был у этого редкостного спектакля еще один никому не видимый зритель, синьор Калимеро, хозяин дома. Чтобы получать с жильцов побольше денег, жадный синьор сдавал внаем весь дом до последней комнаты, а сам ютился на чердаке. Не раз Калимеро запрещал тетушке Панноккье держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не обращала на это никакого внимания.

– Я плачу за квартиру, – говорила она, – и плачу немало! Поэтому я могу приглашать к себе кого угодно!

Добрую часть своего времени синьор Калимеро проводил у окошечка на чердаке, под-

смастривая, что делают другие. Поэтому-то он и увидел в этот вечер котов, услышал, как они мяукают и как тетушка Пан-ноккья громко хвалит их за это, без конца повторяя:

– Вот умницы! Вот молодцы!

– Дожили! – возмутился Калимеро, потирая руки. – Вот зачем эта старая ведьма шатается по городу и подбирает бездомных котов. Она учит их мяукать! На этот раз я покажу ей! А сообщу об этом кому следует!

Он закрыл окошечко, взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Синьор главный министр! Происходят неслыханные вещи, подвергающие терпение горожан тяжелым испытаниям. Синьора тетушка Панноккья сделала то-то и то-то, и так далее и тому подобное».

И подписался: «Друг лжи».

Он вложил письмо в конверт и побежал опустить его в почтовый ящик.

А возвращаясь домой, он, словно на беду, увидел и Цоппино с Ромолеттой, которые проделывали то, за что тетушка Панноккья прочла бы им еще десяток глав из своей книги.

Цоппино, как вы уже знаете, время от времени испытывал невыносимый зуд в передней лапке, избавиться от которого он мог, лишь написав что-нибудь на стене. И в этот момент он как раз «лечил» свою лапку, а Ромолетта смотрела на него с завистью, потому что в кармане у нее не было ни кусочка мела. И никто из них не заметил Калимеро.

Он же, едва увидев их, сразу заподозрил что-то неладное. Он притаился в подворотне и смог таким образом безо всяких помех прочесть новое заявление Цоппино, которое гласило:

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА КОШКИ НАЧНУТ МЯУКАТЬ, КОРОЛЮ ДЖАКОМОНЕ НЕСДОБРОВАТЬ!

Не успели Цоппино и Ромолетта уйти, как Калимеро, потирая руки, побежал домой и настроил министру еще одно письмо:

«Ваше превосходительство! Спешу донести вам, что авторы оскорбительных для нашего королевства настенных надписей живут у синьоры тетушки Панноккьи. Это ее племянница Ромолетта и одна из тех собак, которых она держит у себя, чтобы вопреки всем законам нашей страны обучить их мяуканью. Уверен, чтобы соблаговолите пожаловать мне обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.

Калимеро Денежный Мешок».

Тем временем в соседнем переулке Цоппино озабоченно рассматривал свою лапку, которая опять заметно укоротилась.

– Нужно найти какой-нибудь другой способ письма, иначе у меня скоро останется только две лапки, – вздохнул он.

– Подожди-ка, – воскликнула Ромолетта, – как же я раньше не догадалась! Тут по соседству живет один художник. Его комнатка на чердаке никогда не закрывается на замок, потому что художник беден и не боится воров. Ты можешь пойти к нему и взять в долг какой-нибудь тюбик с краской или даже целую коробку. Пойдем, я покажу тебе дорогу, а потом вернусь домой, иначе тетушка Панноккья будет беспокоиться.

Глава восьмая, в которой знаменитый художник Бананито оставляет кисти и берет за нож

В тот вечер художнику Бананито, что означает маленький банан, никак не удавалось заснуть. Он сидел один-одинешенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Никуда-то они, к сожалению, не годятся. В них явно чего-то не хватает. И если б не это «что-то», они были бы просто великолепны. Но чего именно в них не хватает? Вот загвоздка...»

В этот момент в окне появился Цоппино – он только что проделал изрядный путь по крышам, рассчитывая войти в дом именно таким путем, чтобы не беспокоить хозяина.

«О, да мы еще не спим! – мяукнул он про себя. – Придется подождать. Художник о чем-то задумался – не буду мешать ему. А потом, когда он заснет, я возьму у него в долг немного красок, так тихо, что он даже не заметит».

И он принялся разглядывать картины Бананито. То, что он увидел, необычайно поразило его.

«По-моему, – размышлял он, – на этих картинах что-то лишнее. Не будь здесь лишнего, это были бы вполне приличные картины. Но что же на них лишнее? Пожалуй, слишком много ног! У этой лошади, например, целых тринадцать! Подумать только – а у меня всего три... Кроме того, здесь слишком много носов: на том портрете, например, сразу три носа! Не завидую я этому синьору: если он схватит насморк, ему потребуется три носовых платка... Но художник, кажется, собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со скамейки. – Может быть, добавить зеленых тонов?... – размышлял он вслух. – Да, да именно зеленого здесь и не хватает!

Он взял тюбик, выдавил краску на палитру и принялся класть зеленые мазки на все картины. Он выкрасил в зеленый цвет и лошадиные ноги, и носы синьора на портрете, и даже глаза какой-то синьорины на другой картине, причем глаз у нее было целых шесть – по три на каждой стороне лица.

Потом Бананито отступил на несколько шагов и прищурился, чтобы лучше рассмотреть результаты своей работы.

– Нет, нет, – вздохнул он, – видимо, дело в чем-то другом. Картины, как были, так и остались плохими.

Цоппино, сидевший на подоконнике, не услышал этих слов, зато увидел, как Бананито грустно качает головой.

«Могу поклясться, что он недоволен, – решил Цоппино, – не хотел бы я оказаться на месте этой шестиглазой синьорины. Когда у нее ослабнет зрение, ей не хватит денег на очки...»

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил ее на палитру и снова стал наносить мазки на свои картины, прыгая вокруг них, словно кузнечик.

– Желтого!... – бормотал он. – Готов держать пари, что здесь мало желтого!

«Вот беда! – подумал Цоппино. – Сейчас он устроит из своих картин яичницу...»

Но тут Бананито бросил на пол палитру и кисть, стал в ярости топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он и дальше будет продолжать в таком же духе, – мелькнуло у Цоппино, – то станет как две капли воды похож на короля Джакомоне. Наверное, надо успокоить его... А вдруг он обидится? Да и кому нужны кошачьи советы. К тому же, чтобы понять их, надо знать кошачий язык...»

Бананито наконец сжалился над своими волосами.

– Хватит, – решил он. – Возьму-ка я на кухне нож и нарежу все эти картины на мелкие кусочки. Видно, не родился я художником...

Кухней у Бананито назывался маленький столик, приютившийся в углу комнаты. На нем стояли спиртовка, старый котелок, сковородка, тарелка, лежали вилки, ложки и ножи. Столик стоял у самого окна, и Цоппино пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы художник не увидел его. Но даже если б котенок не спрятался, Бананито все равно не заметил бы его, потому что в глазах у него стояли крупные, как орех, слезы.

«Что он собирается делать? – думал Цоппино. – Берет ложку... Наверное, проголодался. Нет, кладет ложку и хватается за нож... Дело принимает опасный оборот. Уж не собирается ли он кого-нибудь убить? Кого-нибудь из своих критиков... Откровенно говоря, ему бы следовало радоваться, что его картины так ужасны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все станут называть их великолепными, и он заработает кучу денег».

Пока Цоппино размышлял об этом, Бананито разыскал точильный камень и принялся точить нож.

– Я хочу, чтобы он был острым, как бритва! Тогда от моих произведений не останется и следа!

«Если он решил кого-нибудь убить, – соображал Цоппино, – то, видно, хочет, чтобы удар был смертельным. Позвольте, позвольте... А если он задумал покончить с собой?! Нужно что-то делать... Надо что-то предпринять!... Нельзя терять ни минуты! Если в свое время гуси спасли Рим, по почему бы хромому котенку не спасти отчаявшегося художника?»

И наш маленький герой, громко мяукая, спрыгнул на пол.

В ту же минуту распахнулась дверь и в комнату к художнику влетел запыхавшийся, вспотевший, покрытый пылью... Угадайте кто?

– Джельсомино!

– Цоппино!

– Как я рад, что снова вижу тебя!

– Ты ли это, мой дорогой Цоппино?

– Не веришь, так пересчитай мои лапы!

И на глазах у ошеломленного художника Джельсомино и Цоппино стали обниматься и плясать от радости.

Каким образом наш певец попал на чердак к художнику и почему это случилось как раз в данную минуту – обо всем этом вы узнаете дальше.

Глава девятая, в которой Джельсомино поет сначала в подвале, а потом в гостях у директора городского театра

Джельсомино, как вы помните, заснул в погребке прямо на куче угля. По правде говоря, постель эта была не слишком удобной, но когда люди молоды, они не обращают внимания на неудобства. И хотя острые куски угля впивались ему в ребра, это не помешало Джельсомино крепко спать и видеть сны один лучше другого.

Во сне Джельсомино принялся напевать. У некоторых людей бывает привычка во сне разговаривать. У Джельсомино была привычка во сне петь. Когда же он просыпался, то ничего не помнил. Наверное, его голос выкидывал с ним такие шутки в отместку за молчание, к которому хозяин принуждал его днем. Вполне возможно, что таким образом голос вознаграждал себя за все те случаи, когда Джельсомино не разрешал ему вырываться на волю.

Как бы там ни было, своим пением во сне Джельсомино перебудил полгорода.

Из окон стали высовываться возмущенные горожане:

– Куда смотрит полиция? Неужели никто не может заставить замолчать этого пьянчугу?

Полицейские между тем обшарили все улицы, но так и не нашли никого.

Тем временем проснулся и директор городского театра, который жил на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

– Какой необыкновенный голос! – воскликнул он. – Вот это настоящий тенор! Интересно, откуда он взялся? Ах, если б мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики! Этот человек мог бы спасти меня!

Надо сказать, что театр в этом городе переживал тяжелые времена и был накануне полного краха. Певцов в Стране Лгунов было не так уж много, и все они считали, что петь нужно как можно хуже. И вот почему: когда они пели хорошо, публика кричала: «Убирайся вон! Хватит выть!» А если они пели плохо, публика приходила в восторг и восклицала: «Браво! Брависсимо! Бис!» И певцы, разумеется, старались петь как можно хуже, лишь бы услышать восторженные возгласы и аплодисменты публики.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, как ему показалось, доносился голос. Однако ему пришлось порядком помучиться, прежде чем он добрался до цели.

– По-моему, он поет в этом доме, – говорил он. – Готов поклясться, что голос доносится вон из того окошка наверху...

Часа два носился директор театра по городу в поисках необыкновенного певца. Наконец, полумертвый от усталости, уже готовый отказаться от дальнейших поисков, он набрел на подвал, в котором спал Джельсомино. Можете себе представить, как он удивился, когда при слабом свете своей зажигалки увидел, что обладатель необыкновенного голоса – паренек, спящий на куче угля.

«Если он во сне поет так хорошо, что же будет, когда он проснется? – подумал директор театра, потирая руки. – По всему видно, этот парень и не подозревает, что его горло – это настоящие золотые россыпи. Я стану при них единственным рудокопом и составлю себе состояние, не ударив пальцем о палец».

Он разбудил Джельсомино и представился:

– Меня зовут маэстро Домисоль. Чтобы разыскать тебя, я прошел пешком десять километров. Завтра же вечером ты непременно должен петь в моем театре! А теперь вставай и пойдём ко мне домой репетировать.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что хочет спать, но маэстро Домисоль пообещал уложить его на двуспальную кровать с пуховым одеялом. Джельсомино заикнулся было, что никогда не учился музыке, но маэстро стал клясться, что с таким голосом, как у него, нет нужды разбираться в нотах.

Между тем голос Джельсомино тоже решил не теряться: «Смелее! Разве ты забыл, что хочешь стать певцом? Соглашайся! Может быть, это принесет тебе счастье».

Маэстро Домисоль положил конец разговорам, решительно взял Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Он привел его к себе домой, сел за пианино, взял несколько аккордов и приказал:

– Пой!

– Может быть, лучше открыть окна? – робко предложил Джельсомино.

– Нет, нет, я не хочу тревожить соседей.

– А что петь?

– Что хочешь... Какую-нибудь песенку... Ну хотя бы из тех, что поют у тебя в деревне...

Джельсомино начал петь свою любимую песенку, которую так часто пел дома. Он старался петь как можно тише и не сводил глаз с оконных стекол. Те звенели и каждую секунду готовы были вылететь.

Стекла уцелели, но в начале второго куплета разбилась люстра, и в комнате стало темно.

– Прекрасно! – воскликнул маэстро Домисоль, зажигая свечу. – Великолпно! Чудесно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и никому из них еще ни разу не удавалось разбить даже кофейной чашечки!

В конце третьего куплета случилось то, чего так опасался Джельсомино, – оконные стекла разделили участь люстры. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать Джельсомино.

– Мой мальчик! – кричал он, чуть не плача от восторга. – Я вижу, что не ошибся! Ты будешь самым великим певцом всех времен! Толпы поклонников будут отвинчивать колеса твоего автомобиля, чтобы носить тебя на руках!

– Но у меня нет автомобиля, – заметил Джельсомино.

– У тебя их будет десять, сто! У тебя будет свой особый автомобиль для каждого дня в году! Благодарю судьбу за то, что тебе довелось встретить маэстро Домисоля! А теперь спой-ка мне еще что-нибудь.

Джельсомино заволновался. Еще бы – впервые в жизни он слышал, что кому-то нравится его пение. Не в его привычках было задирать нос, но ведь похвала каждому приятна. Он спел еще одну песню и на этот раз дал своему голосу чуть побольше свободы, совсем чуточку, да и то ненадолго. Но натворил он таких бед, что всем показалось, будто наступил конец света.

В соседних домах одно за другим повывлетали все стекла. Люди испуганно выглядывали из окон и кричали:

– Землетрясение! Караул! На помощь! Спасайся кто может!

С пронзительным воем помчались пожарные машины. Улицы запрудили толпы людей, устремившихся за город. Многие несли на руках плачущих ребятишек и толкали перед собой тележки, груженные домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

– Грандиозно! Изумительно! Невиданно!

Он расцеловал Джельсомино, обвязал ему горло теплым шарфом, чтобы уберечь от сквозняков, потом усадил за стол и угостил таким обедом, которым можно было бы накормить целый десяток безработных.

– Ешь, сынок, ешь, – приговаривал он, – попробуй вот этого цыпленка. Он хорошо укреп-

ляет верхние ноты. И вот эта баранья лопатка тоже очень полезна. От нее низкие ноты становятся мягкими и бархатистыми. Ешь! С сегодняшнего дня ты – мой гость! Я отведу тебе лучшую комнату в доме и велю обить ее стены войлоком. Ты сможешь упражняться сколько угодно, и никто тебя не услышит.

Джельсомино очень хотелось выбежать на улицу и успокоить перепуганных горожан или по крайней мере позвонить в пожарную команду, чтобы они не носились понапрасну по городу... Но маэстро Домисоль и слышать об этом не хотел.

– Сиди, сынок, дома! Пусть себе мечутся! Ведь тебе пришлось бы заплатить за разбитые стекла, а у тебя пока нет ни сольдо. Не говоря уже о том, что тебя могут арестовать. А попадешь в тюрьму, тогда прощай твоя музыкальная карьера!

– А что, если я нечаянно сломаю ваш театр? Домисоль рассмеялся:

– Театры для того и строятся, чтобы певцы могли в них петь. Театрам не страшны не только голоса певцов, но даже бомбы. Ну, теперь ложись спать, а я тем временем сочиню афишу и немедленно отнесу ее в типографию.

Глава десятая, в которой Джельсомино выступает с концертом

На следующее утро жители города увидели, что на всех углах расклеены вот такие афиши:

**Сегодня утром (но не сразу после захода солнца)
самый скверный тенор на свете
ДЖЕЛЬСОМИНО,
обладающий ужасно противным голосом и закиданный тухлыми яйцами во всех театрах
Африки и Америки,
не даст никакого концерта в городском театре.
Почтеннейшую публику просят не приходить.
Входные билеты ничего не стоят.**

Разумеется, афишу следовало читать наоборот, и горожане прекрасно поняли все, что в ней было написано. «Закиданный тухлыми яйцами» означало – «имевший невероятный успех», а под выражением «не даст никакого концерта» нужно было понимать, что Джельсомино начнет свое выступление, едва зайдет солнце, то есть ровно в девять часов вечера.

По правде говоря, Джельсомино не хотел, чтобы в афише упоминалось о поездке в Америку.

– Ведь я там никогда не был! – протестовал он.

– Вот именно, – отвечал маэстро Домисоль, – значит, это ложь, и все обстоит как нельзя лучше! Если б ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты ездил в Австралию. Таков закон. Но ты не думай о законах. На уме у тебя должно быть только пение.

В то утро, как помнят наши читатели, был взбудоражен весь город – на фасаде королевского дворца была обнаружена надпись Цоппино. Но к вечеру все успокоились, и задолго до девяти часов театр, как потом писали газеты, «был пуст, как барабан». И это означало, что он лопнул от публики.

Народу действительно собралось очень много – все надеялись услышать наконец настоящего певца. К то му же маэстро Домисоль, чтобы собрать в театр побольше публики, распустил по городу самые невероятные слухи о голосе Джельсомино.

– Захватите с собой побольше ваты, чтобы затыкать уши, – советовали на каждом перекрестке наемные агенты Домисоля, – у этого певца преотвратительный голос, он доставляет истине адские мучения.

– Представьте себе, что собрался десяток простуженных дворняжек, которые лают все сразу, прибавьте к ним сотню кошек, которым кто-то подпалил хвосты, смешайте все это с воем пожарной сирены, взболтайте хорошенько, и вы получите некоторое представление о голосе Джельсомино.

– Одним словом, чудовище?

– Самое настоящее чудовище! Ему следовало бы не в театре выступать, а квакать в ка-

ком-нибудь болоте вместе с лягушками. Но еще лучше было бы сунуть его в реку и приставить специального сторожа, чтобы тот не давал ему высунуть голову наружу.

Все эти разговоры люди понимали, разумеется, наоборот, как и полагается в Стране Лгунов. Неудивительно, что задолго до девяти часов вечера театр был набит битком.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомоне Первый. На его голове гордо красовался неизменный оранжевый парик. Все присутствующие в театре поднялись со своих мест, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть на его парик. Никто не отважился даже намекнуть на утреннее происшествие, – все знали, что театр кишит шпионами, держащими наготове свои записные книжки, чтобы записывать все, что говорится в народе. Домисоль, который, глядя сквозь дырочку в занавесе, с нетерпением ожидал приезда короля, дал Джельсомино знак приготовиться, а сам прошел в оркестр. Он поднял дирижерскую палочку, и раздались звуки национального гимна Страны Лгунов. Гимн начинался словами:

*Привет королю Джакомоне, привет!
Да здравствует оранжевый цвет!*

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться. Некоторые потом клялись, что Джакомоне в эту минуту слегка покраснел. Но в это трудно поверить, так как король, чтобы казаться моложе, в тот вечер покрыл свое лицо густым слоем пудры.

Едва Джельсомино вышел на сцену, как агенты Домисоля засвистели и принялись кричать:

- Долой Джельсомино!
- Убирайся выть в свою конуру!
- Пошел петь в болото к лягушкам!

Джельсомино терпеливо переждал, пока крики умолкнут, потом прокашлялся и запел первую песню из своей программы. Он запел самым тихим и нежным голосом, какой только смог извлечь из своего горла. При этом он почти не разжимал губ, и издали казалось, что он поет с закрытым ртом. Это была простая песенка, которую пели в родном селении Джельсомино, и слова в ней были самые обыкновенные и даже чуточку глупые, но Джельсомино исполнил ее с таким чувством, что по театру пронесся ветер, так как все слушатели разом достали свои носовые платки и принялись утирать слезы. Песенка кончалась высокой нотой, и Джельсомино не стал на этой ноте прибавлять голоса, наоборот, он постарался взять ее как можно тише. И все-таки, несмотря на все его старания, на галерке вдруг раздался громкий треск – одна за другой полопались лампочки. Но звуки эти тотчас же заглушил мощный ураган свистков. Зрители, вскочив с мест, орали что было сил:

- Убирайся вон!
- Шут! Скоморох!
- Закрой свою пасть!
- Отправляйся петь свои серенады котам!

В общем, как сообщили бы газеты, если б в них говорилась правда, «публикой овладел неудержимый восторг».

Джельсомино поклонился и запел вторую песню. На этот раз он, прямо скажем, немного разошелся. Песня была ему по душе, все слушали его с восхищением. Немудрено, что Джельсомино забыл осторожность и взял высокую ноту, которая была слышна за несколько километров и привела в восторг не только публику, сидевшую в зале, но и всех людей, которые не сумели достать билеты и толпились на улице возле театра.

Джельсомино ожидал услышать в ответ аплодисменты, то есть новый ураган свистков, но вместо этого раздался взрыв хохота, совершенно ошеломивший его. Публика, казалось, забыла о нем. Все смотрели не на него, а совсем в другую сторону и громко смеялись. Джельсомино тоже взглянул туда, и кровь в его жилах застыла, а голос пропал. Высокая нота, которую он только что взял, не разнесла вдребезги тяжелые люстры, висевшие над партером. Произошло нечто гораздо более страшное: с головы Джакомоне слетел его знаменитый оранжевый парик. Его величество, нервно барабанив пальцами по перилам ложи, тщетно пытался понять, почему его подданные так веселятся. Бедняга не заметил, что остался без парика, и никто из его свиты не осмеливался сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, что стало нынче утром с языком одного чересчур ретивого придворного.

Домисоль, который дирижировал спиной к публике, подал Джельсомино знак, чтобы тот начал петь третью песню.

«Люди смеются над Джакомоне, – подумал Джельсомино, – и нет никакой нужды, чтобы они посмеялись и надо мной. На этот раз я должен спеть еще лучше!»

И он запел так прекрасно, с таким чувством, таким звучным голосом, что с первой же ноты театр буквально затрещал по всем швам. Прежде всего разбились и рухнули люстры, придавив некоторых зрителей, не успевших укрыться в надежное место. Потом обрушился целый ярус, как раз тот, посередине которого находилась королевская ложа. Но Джакомоне, на свое счастье, уже успел покинуть театр. Незадолго до этого он глянул в зеркало, чтобы проверить, не нужно ли ему, случаем, припудрить нос, и в ужасе обнаружил, что остался без парика. Говорят, что в тот вечер он велел отрезать язык всем придворным, которые были с ним в театре, за то, что они не сообщили ему об этом злосчастном происшествии.

Джельсомино между тем, увлекшись, продолжал петь, хотя публика осаждала выходные двери. Когда рухнули последние ярусы и обвалилась галерка, в зале остались только Джельсомино и маэстро Домисоль. Первый, закрыв глаза, все еще продолжал петь – он забыл, что находится в театре, забыл, что он Джельсомино, и думал лишь о том наслаждении, которое доставляло ему пение. Глаза Домисоля были, напротив, широко открыты. Схватившись за голову, он в ужасе закричал:

– Мой театр! Мой театр! Я разорен! Разорен! А на площади перед театром толпа кричала: «Браво! Браво!»

И звучало это так странно, что полицейские короля Джакомоне переглядывались и говорили друг другу:

– Ведь они хвалят его за то, что он поет хорошо, а вовсе не потому, что им не нравится его пение...

Джельсомино закончил концерт такой высокой нотой, что развалины театра подбросило вверх, отчего поднялось огромное облако пыли. Только теперь Джельсомино заметил, каких натворил бед, и увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая дирижерской палочкой, бежит к нему, перепрыгивая через груды кирпича и обломков.

«Кажется, моя песенка спета, – в отчаянии подумал Джельсомино, – прощай, музыкальная карьера... Нужно уносить ноги пока не поздно!»

Через пролом в стене он выбрался на площадь. Прикрывая лицо руками, смешался с толпой, добрался до какой-то темной улочки и побежал так быстро, что едва не обогнал собственную тень.

Но Домисоль, не терявший его из виду, неся за ним вдогонку и кричал:

– Остановись, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, юркнул в первый же попавшийся подъезд, задыхаясь, взбежал по лестнице до самого чердака, толкнул какую-то дверь и очутился в мастерской Бананито как раз в тот момент, когда Цоппино спрыгнул с подоконника,

Глава одиннадцатая, из которой видно, что все нарисованной настоящим художником не только прекрасно, но и правдиво

Джельсомино и Цоппино принялись рассказывать друг другу о своих злоключениях. А Бананито, слушая их, так и стоял, открыв от изумления рот. Он все еще не выпускал из рук ножа, но совсем забыл, зачем взял его.

– Что вы собираетесь делать? – с беспокойством спросил его Цоплинс.

– Как раз об этом я и думаю сейчас, – ответил Бананито.

Но едва он огляделся по сторонам, как его снова охватило полное отчаяние: его картины были так же безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

– Я вижу, вы художник, – с уважением сказал Джельсомино, который еще не успел сделать это открытие.

– Я тоже так думал, – с грустью ответил Бананито, – тоже думал, что я художник. А теперь вижу, мне лучше подыскать себе какое-нибудь другое занятие, где бы не пришлось возиться с красками. Можно, например, стать могильщиком, тогда я буду иметь дело лишь с одним черным

цветом.

– Но ведь даже на могилах растут цветы, – заметил Джельсомино. – В жизни нет ничего, что было бы только черного цвета.

– А уголь? – вставил Цоппино.

– Да, но когда он горит, то становится красным, голубым, белым...

– А чернила? Они черные – и все тут! – настаивал котенок.

– Но ими можно написать веселый и красочный рассказ!

– Тогда сдаюсь, – сказал Цоппино, – хорошо, что я не предложил тебе поспорить на одну из моих лапок, а то у меня осталось бы всего две.

– Все-таки я поищу себе какое-нибудь другое занятие, – вздохнул Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед трехносым портретом, который некоторое время назад так озадачил Цоппино.

– Кто это? – удивился Джельсомино.

– Один очень важный придворный.

– Счастливчик! У него три носа! Наверное, он в три раза сильнее чувствует все вкусные запахи! Но почему все-таки у него три носа?

– О, это целая история... Когда он заказал мне свой портрет, то поставил непереносимое условие, чтобы я изобразил его с тремя носами! Мы долго спорили. Я хотел нарисовать только один нос, потом посоветовал удовольствоваться хотя бы двумя. Но он заупрямился – или рисуй три носа, или сам останешься с носом! И вот что получилось; настоящее пугало, которое годится лишь на то, чтобы пугать капризных детей.

– Скажите, а вот эта лошадь, – спросил Джельсомино, – она тоже придворная?

– Лошадь? Разве вы не видите, что это самая настоящая корова?!

Джельсомино почесал в затылке.

– Может быть, это и корова, но для меня она остается самой настоящей лошастью. Точнее говоря, это была бы лошадь, будь у нее четыре ноги, а не тринадцать. Этих тринадцати ног хватило бы для трех лошадей и еще осталось бы для четвертой.

– Но у любой коровы как раз тринадцать ног! – возразил Бананито. – Это знает каждый мальчишка!

Джельсомино и Цоппино переглянулись, вздохнули и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Будь перед нами лживый кот, мы быстро научили бы его мяукать. Но чему мы можем научить этого беднягу?»

– По-моему, – сказал Джельсомино, – картина станет гораздо лучше, если убрать с нее лишние ноги.

– Вот еще! И все поднимут меня на смех! А критики посоветуют упрятать в сумасшедший дом... Теперь я вспомнил, зачем взял нож! Я хотел изрезать на куски все мои картины. Этим я сейчас и займусь!

Бананито снова схватил нож и с грозным видом подскочил к тому холсту, где в неопишемом беспорядке были нагромождены лошадиные ноги, которые он называл коровьими. Художник уже занес было руку, чтобы нанести первый удар, но вдруг передумал.

– Ведь это труд многих месяцев! – вздохнул он. – Жаль уничтожать его собственными руками.

– Золотые слова! – подхватил Цоппино. – Когда у меня появится записная книжка, я непременно запишу их, чтобы не забыть. Но почему бы вам, прежде чем кромсать картины, не испробовать совет Джельсомино?

– Это верно! – воскликнул Бананито. – Ведь я ничего не теряю. Уничтожить картины я всегда успею.

И он ловко соскоблил с полотна пять ног из тринадцати.

– По-моему, уже гораздо лучше! – подбодрил его Джельсомино.

– Тринадцать минус пять – восемь, – сказал Цоппино. – Если бы лошадей было две, все обстояло бы как нельзя лучше. Простите, я хотел сказать – коров.

– Ну что ж, стереть еще несколько ног? – спросил Бананито.

И, не ожидая ответа, он соскоблил с картины еще две ноги.

– Прекрасно! – воскликнул Цоппино. – Лошадь уже почти как живая!

– Значит, помогает?

– Оставьте только четыре, и посмотрим, что будет.

Когда ног осталось четыре, с холста вдруг раздалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь спрыгнула с картины на пол и легкой рысцой прошла по комнате.

– И-и-го-го! Наконец-то я на свободе! До чего же тесно было в этой раме!

Пробегая мимо зеркала, висевшего на стене, лошадь придиричиво оглядела себя с ног до головы, потом в восторге заржала:

– Какая красивая лошадь! Я действительно красива! Синьоры, я бесконечно благодарна всем вам! Окажетесь в моих краях – заходите в гости. Я с удовольствием вас покатаю!

– В каких краях? Эй, подожди! – закричал ей вдогонку Бананито.

Но лошадь уже была за дверью, на лестнице. Послышался цокот ее копыт по ступенькам, и минуту спустя наши друзья увидели из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось в открытое поле.

От волнения Бананито даже вспотел.

– Честное слово! – воскликнул он. – Это и в самом деле была лошадь! Уж если она сама об этом заявила, волей-неволей приходится верить. И подумать только, что в школьной азбуке лошадь нарисована рядом с буквой «К» – КОРОВА!

– Скорее, скорее! – в восторге замыкал Цоппино. – Беритесь за другие картины!

Бананито подошел к верблюду, у которого было так много горбов, что его портрет напоминал пустыню с уходящими вдаль песчаными холмами. Художник стал соскабливать с холста все горбы, пока не осталось только два.

– Он становится гораздо красивее, – бормотал Бананито, лихорадочно работая ножом. – Нет, этот портрет положительно становится лучше. Как вы думаете, он тоже оживет?

– Когда верблюд будет совсем похож на настоящего, то непременно оживет, – заверил его Джельсомино.

Но пока верблюд не желал сходить с холста, и вид у него был равнодушный и невозмутимый, словно разговор шел вовсе не о нем.

– Хвосты! – вдруг закричал Цоппино. – У него же три хвоста! Этого хватит на целое верблюжье семейство!

Когда были убраны лишние хвосты, верблюд величаво сошел с холста, облегченно вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Цоппино.

– Хорошо, что ты обратил внимание на хвосты, – сказал он, – чего доброго, я мог навеки остаться в этой каморке. Не знаете случайно, нет ли поблизости каких-нибудь пустынь?

– Есть одна в центре города, – сказал Бананито. – Это самая большая из наших городских пустынь, но сейчас она, кажется, уже закрыта.

– Он хочет сказать «сад», – объяснил Цоппино верблюду. – А до настоящих пустынь отсюда не меньше двух-трех тысяч километров. Смотри только не попадайся на глаза полицейским, не то угодишь в зоопарк. Прежде чем уйти, верблюд тоже погляделся в зеркало и остался очень доволен. Через минуту он уже рысцой бежал по переулку. Ночной стражник, увидевший его, не поверил своим глазам и начал изо всех сил щипать себя, чтобы проснуться.

– Видно, я старею, – решил он, когда верблюд исчез за углом, – мало того, что засыпаю во время дежурства, мне еще снится, будто я попал в Африку. Нужно взять себя в руки, не то меня уволят!

Теперь Бананито не остановила бы даже угроза смертной казни. Работая своим ножом, он кидался от картины к картине и радостно восклицал:

– Вот это хирургия! За десять минут я сделал больше операций, чем все профессора в больнице за десять дней.

А картины, когда с них соскабливали ложь, хорошели одна за другой. Они становились красивыми, правдивыми и... оживали! Собаки, овцы, козы выпрыгивали из рам и разбегались кто куда.

И только одну единственную картину художник разрезал на мелкие кусочки. Это был портрет того придворного, который требовал, чтобы его непременно нарисовали с тремя носами. Уж очень Бананито боялся, что, став одноносым, придворный выскочит из рамы и задаст художнику головомойку за то, что он посмел послушаться его.

Джельсомино помогал Бананито кромсать злополучную картину, и вдвоем они так расправились с нею, что она превратилась в сплошные лохмотья.

А Цоппино тем временем принялся шнырять по комнате, явно выискивая что-то. По его разочарованной мордочке было видно, однако, что он никак не может найти то, что хочет.

– И лошади, и верблюды, и придворные... – ворчал он. – Нет чтобы нарисовать где-нибудь хоть кусочек сыра! Мыши и те удрали с этого чердака. Оно и понятно – запах нищеты еще никому не приходился по вкусу. Голод – это штука почище крысиной отравы.

Роясь в каком-то темном уголке, Цоппино нашел маленькую, покрытую толстым слоем пыли картину. На обратной стороне ее пристроилась сороконожка. Когда ее побеспокоили, она, быстро перебирая всеми своими сорока лапками, побежала прочь. Ножек у нее было действительно сорок, так что Бананито трудно было бы погрешить против истины, вздумай он нарисовать ее.

На картине была изображена тарелка, а на ней какое-то диковинное животное, что-то вроде другой сороконожки. Но будь у этого животного только две ноги, все сразу бы узнали в нем жареную курицу.

«Славная картина! – подумал Цоппино. – Пожалуй, я не возражал бы, если б она ожила именно в таком виде, без всяких изменений. От курицы с двумя дюжинами ножек не отказалась бы ни одна кухарка, ни один хозяин харчевни, не говоря уже о проголодавшемся котенке. Отрежь от такой курицы десятков ножек – и тем, что останется, вполне можно накормить еще троих».

Цоппино приволок картину к Бананито, чтобы он и над ней поработал своим ножом.

– Но курица жареная! – запротестовал художник. – Она не оживет!

– Вот-вот! Нам и нужна жареная! – ответил Цоппино.

Тут Бананито не мог возразить. К тому же он вспомнил, что и сам уже сутки ничего не ел, занявшись своими картинами. Курица, правда, не закудахтала, но зато выплыла из рамы такой ароматной и аппетитной, будто ее только что вынули из духовки.

– Твоя слава художника еще вся впереди, – сказал Цоппино, надкусывая крылышко (ножки он оставил Джельсомино и Бананито), – а как повар ты уже великолепен!

– Эх, если бы раздобыть еще и немного вина к этой закуске! – заметил вдруг Джельсомино. – Но все харчевни уже закрыты... Впрочем, и днем мы все равно не могли бы ничего купить – ведь у нас нет денег.

– Что верно, то верно, – заметил Цоппино и добавил, обращаясь к Бананито: – А почему бы тебе не нарисовать, скажем, бутылку с вином?... Или хотя бы небольшую бутылочку?

– Попробую! – обрадовался художник.

Он набросал на холсте бутылку итальянского «кьянти» и раскрасил ее. Рисунок получился таким удачным, что если бы Джельсомино не успел прикрыть горлышко рукой, то вино, которое сильной струей забило из него, полилось бы прямо на пол.

Трое друзей выпили сначала за художников, потом за певцов и наконец за котят. Когда пили за котят, Цоппино вдруг погрузился и его долго пришлось упрашивать, чтобы он поделился своей печалью.

– В сущности, – признался он наконец, – я такой же ненормальный котенок, как и те животные, что были полчаса назад на этих полотнах. Ведь у меня только три лапки. И я даже не могу сказать при этом, что потерял четвертую лапку на войне или под трамваем, потому что это было бы неправдой. Вот если бы Бананито...

Ему не пришлось продолжать. Бананито тут же схватил кисть и в два счета нарисовал такую красивую переднюю лапу, что от нее не отказался бы и сам Кот в сапогах. Но замечательнее всего было то, что лапка сразу же заняла свое место на теле Цоппино и он сперва неуверенно, а потом все смелее стал расхаживать по каморке.

– Ах, как прекрасно! – мяукал он. – Я просто не узнаю себя! Я стал совсем другим! Совсем другим! Не сменить ли мне ради такого случая имя?

– До чего же я глуп! – воскликнул Бананито, хлопая себя по лбу. – Нарисовал тебе лапку масляной краской, а ведь остальные нарисованы мелом.

– Ничего страшного, – ответил Цоппино, – пусть остается. И горе тому, кто посмеет ее тронуть! А имя л менять не буду! Оно, если разобраться, очень идет ко мне, – ведь другая моя лапка укоротилась по крайней мере на два-три сантиметра, когда я писал на стенах.

Вечером Бананито уложил Джельсомино на свою кровать, а сам, несмотря на все его протесты, растянулся на полу, на груде старых холстов. А Цоппино – тот устроился в кармане паль-

то, висевшего около двери, и в ту же минуту заснул сладким сном.

Глава двенадцатая, в которой Цоппино читает газету и узнает из нее скверные новости

На другой день рано утром Бананито захватил мольберт и кисти и, полный творческих замыслов, вышел на улицу. Ему не терпелось поскорее показать свое искусство людям. Джельсомино еще спал, и провожать художника отправился только Цоппино. По дороге котенок дал Бананито несколько советов.

– По-моему, лучше всего рисовать цветы. Я уверен, что если ты начнешь продавать их, то вернешься домой с целым мешком фальшивых денег, без которых никак не обойтись в этой дурацкой стране. Старайся рисовать цветы, которые еще не распустились и которых нет в цветочных магазинах. И еще об одном не забудь – ни в коем случае не рисуй мышей. Иначе всех покупательниц распугаешь. Я говорю это для твоей же пользы. Меня-то мыши, сам понимаешь, вполне устроили бы!

Расставшись с Бананито, Цоппино купил газету.

«Джельсомино, наверное, будет интересно узнать, что пишут о его концерта», – подумал он.

Газета называлась «Вечерняя ложь и, понятно, вся состояла из ложных и настоящих, по вывернутых наизнанку новостей.

В газете была, например, заметка, которая называлась «Блестящий успех бегуна Персикетти». В ней говорилось:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти пришел вчера первым на десятом этапе гонки вокруг королевства, опередив на десять минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятьдесят секунд Пьеро Клементини, пришедшего третьим. Группу бегунов, стартовавшую часом позже, в последнюю минуту опередил Паскуалино Бальзимелли».

«Что же здесь странного? – удивитесь вы. – Бег в мешках такое же спортивное состязание, как и всякое другое, только гораздо веселее, чем, скажем, велосипедные или автомобильные гонки».

Все это верно, но все читатели «Вечерней лжи» прекрасно знали, что на самом деле никакого состязания не было и в помине, а Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини и Паскуалино Бальзимелли никогда в жизни не забирались в мешки и не видели бега наперегонки даже во сне.

На самом деле все происходило так. Каждый год «Вечерняя ложь» устраивала состязание по бегу в мешках по этапам. Победить в этом состязании было не так-то просто. Самые тщеславные люди, жаждавшие увидеть свое имя в газете, платили «Вечерней лжи» за то, чтобы она записала их в число участников состязания.

А чтобы стать победителем на каком-нибудь этапе, нужно было еще каждый день вносить определенную сумму. Таким образом, побеждал тот, кто платил больше всех. Тут уж газета не скупилась на описание героя и, рассыпаясь в похвалах, изображала победителя сверхчемпионом.

Понятно, что к финишу участники состязания приходили в том же порядке, в каком росли их денежные взносы.

В те дни, когда взносы эти казались газете слишком скромными, она мстила участникам состязания, говоря, что они спят на ходу, что не те пошли бегуны, что состязание превратилось в сплошной скандал и что чемпионы, вроде Персикетти или Барони, должны серьезно отнестись к бегу на оставшихся этапах, если еще хотят сохранить симпатии публики.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерской фабрики, и каждое упоминание его имени в газете служило ему рекламой для его конфет. Так как синьор Персикетти был невероятно богат, то он почти всегда прибывал к финишу первым, намного опережая других. У финиша, как писала газета, ему устраивали чествования, подносили цветы, целовали... А по ночам под окнами его гостиницы собирались болельщики, чтобы петь ему серенады. Так по крайней мере говорилось в газете. Вы, конечно, понимаете, что болельщики, которые ни за кого не болели и не умели играть даже на барабанах, на самом деле преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице газеты Цоппино увидел и такой заголовок: «Не страшная трагедия на

улице Корнелии. Пять человек не умирают, и десять других не ранены». В сообщении говорилось:

«Вчера на десятом километре улицы Корнелии два автомобиля, двигавшиеся не с большой скоростью в противоположных направлениях, не столкнулись. В столкновении, которого не было, не убито пять человек (перечислялись имена). Другие десять человек не ранены, поэтому не пришлось отправить их в больницу (перечислялись имена)».

Это сообщение, к сожалению, было не ложным, а только вывернутым наизнанку. В действительности все произошло совсем наоборот.

Точно так же газета писала и о концерте Джельсомино. Из статьи можно было узнать, например, что «знаменитый певец за весь концерт не проронил ни звука». Газета помещала также фотоснимок развалин театра с такой подписью: «Как читатель может видеть своими ушами, с театром ровно ничего не случилось».

Читая «Вечернюю ложь», Джельсомино и Цоппино порядком развеселились и смеялись до упаду. В газете была даже литературная страница, где друзья обнаружили вот такое стихотворение:

*В Тистойе как-то повар
Беседовал с лисой:
«Ах, если бы ты знала,
Куда вкуснее сала
Бульон из одеяла,
Когда его хлебают
Лопатой большой!
Ах, если бы ты знала,
Как пользы людям мало
Дает зубная паста!
Тебе ведь нипочем,
Что зубы можно чистить
Железным молотком!
Ну вот и все. И баста».*

– Тут нет ответа лисы, – заметил Цоппино, – но я отлично представляю, как ей стало смешно.

В этот день на последней странице газеты в конце последней колонки было помещено короткое сообщение со скромным заголовком «Опровержение».

Джельсомино прочел его:

«Категорически отрицается, что сегодня в три часа ночи в Колодезном переулке полиция арестовала синьору тетушку Панноккью и ее племянницу Ромолетту. Эти две особы не были отправлены около пяти часов утра в сумасшедший дом, как полагают некоторые». И подпись: «Начальник полиции».

– Начальник лгунов! – воскликнул Цоппино. – А эта заметка означает, что обе они, бедняжки, сидят сейчас в сумасшедшем доме. Ах, сердце мне подсказывает, что это случилось из-за меня!

– Смотри, – перебил его Джельсомино, – еще одно опровержение. Прочти-ка его.

На этот раз опровержение прямо касалось Джельсомино. В нем говорилось:

«Неправда, что полиция разыскивает знаменитого певца Джельсомино. Для этого у полиции нет ни малейшего основания, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб, причиненный им городскому театру. Каждый, кто узнает, где скрывается Джельсомино, не должен сообщать об этом полиции под страхом сурового наказания».

– Дело дрянь! – решил котенок. – Тебе, Джельсомино, лучше теперь не показываться на

улице. А за новостями отправлюсь я.

Джельсомино не очень-то улыбалось отсиживаться дома, но Цоппино был прав. Когда он ушел, Джельсомино растянулся на кровати и решил, что ему остается набраться терпения и волей-неволей провести весь день в праздности.

Глава тринадцатая, из которой вы узнаете о том, что правда в Стране Лгунов – это болезнь

Мы расстались с тетушкой Панноккьей в тот момент, когда она наслаждалась мяуканьем своих котов. Тетушка была счастлива, словно музыкант, который отыскал вдруг неизвестную симфонию Бетховена, лет сто пролежавшую в ящичке стола. А Ромолетту мы оставили в ту минуту, когда она, показав Цоппино дорогу к дому художника, бегом возвращалась домой.

Через несколько минут тетушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях. Они и не подозревали, что письма синьора Калимеро привели в движение сложную машину городской полиции. В три часа ночи одно из колес этой машины, а точнее – целый взвод бесцеремонных полицейских ворвался в дом к тетушке Панноккье. Они заставили старую синьору и маленькую девочку быстро одеться и потащили их в тюрьму.

Начальник полиции передал обеих арестованных начальнику тюрьмы и хотел было отправиться спать. Но он совсем забыл, что его коллега отличается невероятной дотошностью.

– Какие преступления совершили эти две особы?

– Старуха учила собак мяукать, а девчонка делала надписи на стенах. Это очень опасные преступники. Я бы на вашем месте посадил их в подземелье и приставил к ним усиленную охрану.

– Я сам знаю, что мне делать, – ответил начальник тюрьмы. – Послушаем-ка, что скажут обвиняемые.

Первой допросили тетушку Панноккью. Арест не испугал ее. Да ничто на свете не могло теперь нарушить ее счастья – ведь семеро ее котов запели наконец своими природными голосами! Тетушка Панноккья очень спокойно ответила на все вопросы.

– Нет, мяукали не собаки. Мяукали коты.

– В донесении говорится, что это были собаки.

– Это были коты. Знаете, из тех, что ловят мышей.

– Вы хотите сказать – львов? Но львов-то ловят как раз собаки.

– Нет, синьор, мышей ловят коты. Коты, которые мяукают. Мои семеро тоже сначала лаяли, как все остальные в городе. Но сегодня ночью они в первый раз замыкали.

– Эта женщина сошла с ума, – сказал начальник тюрьмы. А таких мы сажаем в сумасшедший дом. Скажите, а правда ли то, что вы нам говорили, синьора?

– Конечно, говорила правду, чистую правду.

– Ну, вот видите, дело ясное! – воскликнул начальник тюрьмы. – У нее буйное помешательство. Я не могу поместить ее к себе. Моя тюрьма – только для нормальных людей. А тем, кто рехнулся, место в сумасшедшем доме.

И, несмотря на все протесты начальника полиции, которому так хотелось поскорее освободиться, чтобы поспать, он перепоручил ему тетушку Панноккью и ее дело. Затем стал допрашивать Ромолетту:

– Правда ли, что ты делала надписи на стенах?

– Да, правда.

– Слышали? – воскликнул начальник тюрьмы. – Она тоже свихнулась. В сумасшедший дом! Забирайте их обеих и оставьте меня в покое. Мне некогда терять время со всякими умалишенными.

Позеленев от злости, начальник полиции посадил обеих пленниц в фургон и повез их в сумасшедший дом. Там от них не стали отказываться и поместили новых пациенток в большую палату, где уже было много других сумасшедших. Все они попали сюда тоже только за то, что неосторожно сболтнули где-то правду.

Но этой ночью произошли еще и другие интересные события.

Начальник полиции, вернувшись к себе в кабинет, нашел там... кого бы вы думали? Улы-

баясь одной из своих самых отвратительных улыбок, теребя в руках шляпу, его поджидал Калимеро Денежный Мешок.

– А вам что угодно?

– Ваше превосходительство, – пробормотал Калимеро, низко кланяясь и еще более расплываясь в улыбке, – я пришел к вам, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров... вознаграждение за то, что я помог арестовать врагов нашего короля.

– Ах, так это вы писали письма? – сказал начальник полиции и на минутку задумался. – А правда ли то, что вы писали?

– Ваше превосходительство, – воскликнул Калимеро, – это истинная правда, клянусь вам!

– Вот как! – в свою очередь воскликнул начальник полиции, и на его лице появилась прехитрая улыбка. – Значит, вы утверждаете, что писали правду? Друг мой, я сразу понял, что вы немного того... А теперь вы сами подтвердили это. Извольте отправляться в сумасшедший дом!

– Ваше превосходительство, что вы! – закричал Калимеро. В отчаянии он швырнул на пол свою шляпу и затопал ногами: – Это несправедливо! Я Друг лжи! Я и в письмах писал об этом!

– Друг лжи? И это правда?

– Правда! Клянусь вам! Чистая правда!

– Ну вот, вы снова попались! – торжествуя сказал начальник полиции. – Вы два раза уже поклялись мне, что говорите правду. А теперь перестаньте шуметь и отправляйтесь в сумасшедший дом. Там у вас будет достаточно времени, чтобы успокоиться. Пока же вы буйный сумасшедший, и я не имею права оставить вас без надзора. Это значило бы нарушить все правила общественной безопасности.

– Вы хотите прикарманить мои денежки! – закричал Калимеро, барахтаясь в крепких руках дежурных полицейских.

– Вы слышите? У него начинается приступ. Наденьте на него смирительную рубашу и заткните рот. Ну, а что касается... кхе-кхе... вознаграждения, то даю слово, он не увидит ни сольдо, пока на моем мундире найдется хоть один карман!

Так и Калимеро, вслед за жертвами своего доноса, попал в сумасшедший дом. Там его, как буйнопомешанного, посадили в отдельную палату, обитую войлоком.

Начальник полиции собрался было наконец соснуть, как вдруг зазвонили телефоны и со всех концов города посыпались сообщения:

– Алло! Полиция? У нас появилась мяукающая собака... Ее слышно по всей округе... Могут быть неприятности... Пришлите срочно кого-нибудь.

– Алло! Полиция? Куда смотрит ваша живодерная команда? У меня в подъезде уже полчаса мяукает какой-то пес. Если он просидит там до утра, никто не посмеет носа высунуть из дома... Чего доброго, он еще кусаться начнет...

Начальник полиции немедленно вызвал два отряда живодеров-полицейских, разделил их на несколько групп и выслал на поиски мяукающих собак, или как вы уже догадались, семи котов тетушки Панноккьи.

Не прошло и получаса, как был схвачен первый нарушитель городского спокойствия. Им оказался маленький котенок. Он до того увлекся мяуканьем, что даже не заметил, как его окружили, а когда увидел наконец вокруг себя много народу, то решил, что люди собрались, чтобы послушать его, и замыкал пуще прежнего.

Один из живодеров, фальшиво улыбаясь, осторожно приблизился к нему, погладил по спинке, а потом быстро схватил за шиворот и сунул в мешок.

Второго из семи котов пришлось стаскивать с мраморной лошади какого-то памятника, откуда он произносил речь перед небольшой группой кошек, призывая их вернуться к мяуканью. Но кошки глядели на него с недоверием, мрачно посмеиваясь, и радостно залаяли, когда оратора взяли в плен.

Третьего кота захватили, подслушав его спор с какой-то собакой:

– Глупая, зачем ты мяукаешь?

– А что я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю, – отвечала собака.

– Ох, какая же ты глупая! Ты когда-нибудь видела себя в зеркале? Ведь ты же собака и должна лаять, а я кот и мне полагается мяукать. Вот послушай: мяу! мяу! мяу!

Словом, кончили они тем, что поругались, и живодеры без особого труда упрятали в мешок их обоих. Правда, собаку они потом выпустили, потому что она, как и положено, мяукала.

Затем изловили четвертого, пятого и шестого котов.

– Ну, а теперь остается только один, – решили вконец измученные живодеры. И каково же было их удивление, когда через несколько часов они обнаружили не одного, а сразу двух мяукающих котов!

– Их стало больше, – с беспокойством заметил один живодер.

– Должно быть, мяуканье заразительно, – заключил другой.

Из этих двух котов один был воспитанником тетушки Паннокки, а другой оказался тем самым Тузиком, которого мы встретили в одной из предыдущих глав.

Тузик после некоторых размышлений пришел к выводу, что Цоппино, пожалуй, был прав, когда советовал ему вернуться к мяуканью. Действительно, раз попробовав, он, как ни старался, больше, уже не мог залаять. Тузик дал схватить себя без всякого сопротивления. Но седьмой кот, хоть и самый старый из всех, был еще достаточно ловок, чтобы забраться на дерево. Там он почувствовал себя в безопасности и принялся потешаться над своими преследователями. Он чуть с ума их не свел, потому что целый час распевал лучшие арии кошачьего репертуара.

Поглядеть на необычный спектакль собралось много народу. Как это всегда случается, зрители разделились на две партии. Одни, благомыслящие, поторапливали полицейских живодеров, чтобы те поскорее положили конец этому представлению. Другие, озорники, держали сторону кота, подзадоривали его и даже сами подпевали:

– Мяу! Мяу! Мяу!

Вокруг дерева собралось уже множество котов. Они изо всех сил лаяли на своего коллегу: одни – из зависти, другие – от злости... Но то и дело кто-нибудь из них все-таки не выдерживал и тоже начинал мяукать. Полицейские тут же хватали провинившегося и сажали в мешок. Только с помощью пожарных удалось согнать с дерева упрямого мяукальщика. Пожарные подожгли дерево, и толпа, таким образом, насладились еще и зрелищем небольшого пожара.

Мяукающих котов, когда подсчитали, оказалось целых двадцать штук. Всех их отправили в сумасшедший дом. Ведь они тоже по-своему, по-кошачьи говорили правду, – значит, были сумасшедшими.

Начальник сумасшедшего дома даже растерялся: шутка ли – разместить столько котов! Поразмыслив немного, он решил посадить их в палату к Калимеро Денежному Мешку.

Вы представляете, конечно, как обрадовался жалкий доносчик этой компании, которая напомнила ему о причине всех его несчастий!

За какие-нибудь два часа он и в самом деле сошел с ума и принялся мяукать и мурлыкать. Ему всерьез стало казаться, что он кот. И когда какая-то легкомысленная мышка пробежала по комнате, Калимеро изловчился и первым настиг ее. Но мышка оставила у него в зубах хвостик и юркнула в щель.

Цоппино разузнал все эти новости и уже возвращался домой, как вдруг услышал голос своего приятеля. Джельсомино вовсю распевал одну из своих песенок, доставивших ему столько хлопот.

«На этот раз, – подумал Цоппино, – готов спорить на все три лапы, вместе с новой в придачу, что Джельсомино уснул и видит сладкие сны. Если я не поспешу, полицейские разбудят его раньше меня».

Возле дома Цоппино увидел большую толпу, вторая собралась, чтобы послушать Джельсомино. Все стояли молча, не двигаясь. Время от времени в соседних домах вылетали стекла, но никто не выглядывал из окон и не учинял скандала. Чудесное пение Джельсомино, казалось, околдовало всех. Цоппино заметил в толпе даже двух молодых полицейских. На их лицах тоже было написано восхищение. Полицейские, как вы сами понимаете, должны были бы схватить Джельсомино, но они и не собирались этого делать.

К сожалению, к дому приближался начальник полиции, прокладывая себе дорогу среди толпы ударами хлыста. У начальника полиции не было музыкального слуха, и пение Джельсомино на него не действовало. 166

Цоппино вихрем взметнулся по лестнице и пулей влетел на чердак.

– Вставай! Вставай! – замыкал он и принялся щекотать нос Джельсомино кончиком хвоста. – Концерт окончен! Подходит полиция!

Джельсомино открыл глаза, протер их хорошенько и спросил:

– Где я?

– Могу тебе сказать, где ты сейчас окажешься, если не сдвинешься с места, – ответил Цоппино. – В тюрьме!
– Я опять пел?
– Быстрее! Будем удирать по крышам!
– Ты рассуждаешь как настоящий кот. А я не очень-то привык скакать по черепицам.
– Ничего. Будешь придерживаться за мой хвост.
– А куда побежим?
– Во всяком случае, подальше отсюда. Куда-нибудь да попадем.
Цоппино выпрыгнул из окна каморки прямо на крышу, что была внизу, и Джельсомино оставалось только последовать за ним, закрыв глаза, чтобы голова не кружилась.

Глава четырнадцатая, из которой вы узнаете историю Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту

По счастью, дома в городе теснились один к другому, как сельди в бочке, и Джельсомино довольно легко перескакивал с крыши на крышу. Что же касается Цоппино, то он предпочел бы, чтоб дома стояли подальше друг от друга: тогда он мог бы совершить хоть один прыжок, достойный его кошачьего звания. Но вдруг у Джельсомино подвернулась нога, он полетел вниз и свалился на небольшую террасу, где какой-то старичок поливал цветы.

– Простите, пожалуйста! – воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено. – Я совсем не собирался попадать к вам таким образом.

– Ну что вы, что вы! – просто ответил старичок. – Я очень рад вашему приходу! Что с вами? Вы ушибли ногу? Надеюсь, ничего страшного?

В это время, свесившись с крыши, на террасу заглянул Цоппино.

– Разрешите? – мяукнул он.

– Ах, еще один гость! – обрадовался старик. – Пожалуйста, пожалуйста! Я очень рад!

Тем временем коленка Джельсомино распухла прямо на глазах.

– Вот только мне очень жаль, – сказал старик, – что у меня нет ни одного стула, чтобы посадить вас.

– Тогда давайте положим его на кровать, – предложил Цоппино, – если вы не возражаете, конечно.

– Беда в том, что у меня и кровати нет, – ответил старик, совсем расстроившись, – я сейчас схожу к соседу и попрошу у него кресло.

– Нет, нет, – поспешно вмешался Джельсомино, – мне совсем неплохо и на полу.

– Тогда зайдите в комнату, – пригласил старик, – и будьте как дома, а я тем временем приготовлю кофе.

Комната старика была маленькой и чистенькой. Мягко поблескивала скромная мебель – стол, буфет, шкаф. Но не было ни одного стула, не было и кровати.

– А что, разве вы никогда не садитесь? – спросил Цоппино старика.

– Нет, не приходится, – ответил он.

– И не спите?

– Почему же, сплю иногда. Стоя. Правда, очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Цоппино и Джельсомино переглянулись, как бы говоря друг другу: «Ну, держись, сейчас он наплетет нам с три короба...»

– Простите за нескромный вопрос, – продолжал Цоппино, – а сколько вам лет?

– Точно я и сам не знаю. Родился я лет десять тому назад, но сейчас мне, должно быть, не то семьдесят пять, не то семьдесят шесть.

По лицам гостей старик понял, что они не очень-то верят ему.

– Нет, я не лгу, – вздохнув, сказал он, – это неправдоподобная история, но в ней нет ни капли вымысла. Если хотите, я расскажу вам ее, пока варится кофе.

– Мое настоящее имя, – начал он, – Бенвенуто, из люди зовут меня Бенвенуто-не-присядь-ни на минутку...

И старичок рассказал, что он родился в семье старьевщика. Такого резвого и живого ребенка еще никому не доводилось видеть. Едва он появился на свет, как выскочил из пеленок и

стал бегать по комнате. Вечером Бенвенуто положили в люльку, а утром обнаружили, что люлька уже мала ему и ноги мальчика торчат из нее.

– Видно, – сказал старьевщик, – он торопится вырасти, чтобы скорее помогать семье.

Вечером Бенвенуто раздевали и клали в постель, а утром вчерашняя одежда уже не годилась ему – башмаки жали, а рубашки не налезали.

– Ну, это не так страшно, – говорила мать, – чего, чего, а уж тряпки-то в доме старьевщика всегда найдутся. Сейчас я сошью ему новую рубаху.

За какую-то неделю Бенвенуто так вырос, что соседи посоветовали отправить его в школу. Мать послушалась и повела Бенвенуто к учителю, но тот не на шутку рассердился:

– Почему вы не привели его пораньше? Ведь сейчас уже зима. Кто же начинает учиться в середине учебного года?

Но когда мать объяснила ему, что Бенвенуто всего семь дней, учитель рассердился еще больше:

– Семь дней? Уважаемая синьора, здесь – не ясли, а я – не нянька! Приходите через семь лет, тогда и поговорим.

Но тут он поднял свой нос от классного журнала и увидел, что Бенвенуто куда выше ростом любого из его учеников. Тогда он посадил мальчика на последнюю парту и принялся объяснять классу, что дважды два – четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили из-за парт и выбежали из класса. Только Бенвенуто остался сидеть на своем месте.

– Бенвенуто, – позвал его учитель, – надо проветрить класс.

– Но мне не встать, синьор учитель.

Действительно, за четыре урока он так вырос, что крепко-накрепко застрял в парте. Пришлось позвать служителя, чтобы он помог ему выбраться.

На следующее утро для Бенвенуто поставили парту побольше, но, когда наступил полдень, он опять не смог встать. И эта парта стала ему тесна. Бенвенуто сидел в ней, словно мышь в мышеловке.

Пришлось позвать столяра, и тот расколол парту на части. Учитель тот просто за голову схватился.

– Завтра принесем для тебя парту из пятого класса, – сказал он и тут же отдал распоряжение.

– Ну, как теперь? – спросил он, когда парту принесли.

– Хорошо! Совсем свободно. – радостно ответил Бенвенуто, и, чтобы ему поверили, он несколько раз встал и сел. Но с каждым разом вставать ему было все труднее и труднее. И в двенадцать часов, когда прозвенел звонок, все повторилось сначала, и опять пришлось звать столяра.

Директор школы и мэр города возмутились:

– Что случилось, синьор учитель? Вы разучились поддерживать дисциплину в классе! Почему в этом году парты у вас колются, словно орехи? Вам нужно как следует взяться за своих сорванцов. Мы не в состоянии каждый день покупать новые парты!

Старьевщику пришлось отвести своего сына к доктору и рассказать ему все, как было.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал доктор. Он надел очки, чтобы лучше видеть, и измерил рост Бенвенуто.

– Теперь, – сказал он, – садись.

Бенвенуто уселся на стул. Доктор подождал, пока пройдет минута, и сказал:

– Встань.

Бенвенуто встал, и доктор снова измерил его вдоль и поперек.

– Гм, – сказал он и, не поверив тому, что видит, протер очки платком.

– Присядь-ка еще разок.

Он проделал так несколько раз и наконец заключил:

– Это очень интересный случай. Мальчик болен какой-то новой болезнью. До сих пор еще никто не болел ею. Болезнь заключается в том, что, когда ребенок сидит, он быстро стареет. Каждая минута, проведенная сидя, равна для него целому месяцу. А лечение простое – нужно всегда быть на ногах, иначе за несколько недель мальчик превратится в белобородого старика. После этого дня жизнь Бенвенуто совершенно перевернулась. В школе ему сделали особую парту

ту, без сиденья, чтобы он даже не пытался присесть. Дома его заставляли есть стоя. А вздумай он хоть минутку отдохнуть у камина, как тотчас раздавалось:

– Что ты делаешь! Захотел состариться раньше времени?

– Вставай, вставай! Посесть хочешь?

Ну а кровать?

Никаких кроватей, если он не хотел проснуться седым стариком. Пришлось Бенвенуто научиться спать стоя, как спят лошади. Вот из-за всего этого люди и прозвали его: Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту. Прозвище это так и осталось за ним на всю жизнь. Но вот в один несчастный день заболел отец Бенвенуто. Вскоре, почувствовав, что умирает, он позвал к себе сына.

– Бенвенуто, – сказал он, прежде чем навсегда закрыть глаза, – теперь твой черед помогать матери. Она старенькая и не может больше трудиться. Найди себе хорошую работу. Она не принесет тебе вреда. Наоборот, благодаря работе ты долго будешь оставаться молодым. Ведь у тебя не будет времени, чтобы сидеть сложа руки.

На другой день Бенвенуто отправился искать работу. Но люди смеялись ему в лицо:

– Работу, говоришь? Нет, сынок, у нас не играют ни в мяч, ни в кегли. Ты еще слишком мал, чтобы работать на фабрике.

– Работу? Но ведь нас оштрафуют. Закон запрещает брать на работу детей...

Бенвенуто не стал спорить. Он тут же нашел выход из положения. Вернувшись домой, он уселся перед зеркалом и стал ждать.

– Доктор говорил, что стоит мне присесть, как я постарею. Посмотрим, правда ли это...

Через несколько минут он заметил, что растет – стали жать башмаки. Он скинул их и принялся рассматривать свои ноги – те удлинились прямо на глазах. Когда же Бенвенуто опять взглянул в зеркало, то страшно удивился:

– Кто этот черноусый юноша, что смотрит на меня? Мы, кажется, знакомы. Я где-то видел его...

Наконец он понял и рассмеялся:

– Да это же я! Я – только совсем взрослый! Но теперь лучше будет встать. Больше стареть, пожалуй, не стоит.

Он не стал больше обивать пороги фабрик, а просто выкатил из сарая отцовскую тележку и двинулся с ней по улице, громко крича на ходу:

– Тряпки-лохмотья! Тряпки-лохмотья!

– Какой славный молодой человек! Откуда ты пришел в наши края? – спрашивали соседи, выглядывая из окон на его голос.

– Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, это ты?!

– Да, соседи, это я! Я задремал на стуле и проснулся уже усатым!

Так Бенвенуто начал трудиться. И все люди любили его. Бенвенуто всегда был на ногах, всегда что-нибудь делал, всегда готов был каждому помочь – как тут не стать всеобщим любимцем! Однажды его хотели даже выбрать в мэры города:

– Вот такой человек нам и нужен – чтобы не любил засиживаться в кресле.

Но Бенвенуто не захотел стать мэром.

А потом умерла и его мать, и тогда он подумал: «Теперь я совсем один. Сидеть без дела я все равно не смогу, потому что быстро состарюсь. Пойду-ка лучше бродить по свету, посмотрю, где что делается».

Так он и сделал: взял тележку с тряпками и, недолго думая, отправился в дорогу. Счастливый, он дни и ночи мог шагать без усталости. Немало интересного увидел он на своем пути, немало людей повстречал.

– Ты очень славный парень, – говорили ему встречные, – присядь, поболтай с нами.

– Поболтать можно и стоя, – отвечал Бенвенуто.

Шел он, шел и все не старел. Но вот однажды проходил он мимо какой-то бедной лачуги и, заглянув в окно, увидел картину, от которой у него сжалось сердце. В кровати лежала больная женщина, а на полу возились маленькие ребятишки. Они ревели во все горло, стараясь перекричать друг друга.

– Молодой человек, – сказала женщина, увидев его, – если вы не очень торопитесь, зайдите на минутку к нам в дом. Мне не пошевеливаться, и я не могу качивать детей, а каждая их слеза

для меня все равно что нож в сердце.

Бенвенуто вошел в комнату, взял на руки одного из малышей, походил с ним взад и вперед и убаюкал его. Таким же манером он успокоил и остальных. Но последний, самый маленький, никак не хотел засыпать.

– Присядьте на минутку, – посоветовала женщина, – и подержите его на руках. Присядьте и увидите – он уснет.

Бенвенуто сел на скамеечку около очага, и плакавший ребенок сразу же утих. Он был такой славный, что Бенвенуто принялся играть с ним и даже спел ему песенку.

– Спасибо вам от всего сердца! – сказала женщина, когда ребенок уснул. – Я уже так отчаялась, что мне и жизнь немила стала.

– О, не говорите таких вещей даже в шутку! – ответил Бенвенуто.

Собираясь уходить, он случайно взглянул в зеркало на стене и увидел у себя седую прядь волос.

«Я и забыл совсем, что старею, когда сижу», – мелькнуло у Бенвенуто. Но потом он расправил плечи, еще раз взглянул на сладко спавших детей и пошел своей дорогой.

В другой раз он проходил ночью через какую-то деревушку и, увидев в одном из домиков свет, заглянул в окно. В комнате стоял ткацкий станок, а за ним работала девушка и тяжело вздыхала.

– Что с вами? – спросил ее Бенвенуто.

– Ох, я не сплю уже третью ночь... А к завтрашнему дню мне непременно нужно соткать этот коврик. Если я не успею, мне ничего не заплатят, и тогда всей нашей семье придется голодать. У меня могут даже отнять станок. Ах, чего бы я не отдала, чтобы поспать хоть полчасика!

«Полчасика – это всего тридцать минут, – подумал Бенвенуто. – Пожалуй, тридцать минут я вполне мог бы поработать за девушку».

– Знаете что, – сказал он вслух, – идите-ка спать, а я заменю вас. Мне почему-то нравится этот станок. А через полчаса я вас разбужу.

Девушка прилегла на лавку и в ту же минуту уснула. Бенвенуто начал работать. Прошло полчаса, но разбудить девушку он не решился. Каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

Занялся рассвет, взошло солнце и разбудило девушку.

– Я проспала всю ночь! А вы работали!

– Э, пустяки! Я не скучал.

– У вас даже голова запыхалась...

«Трудно сказать, на сколько лет я постарел сегодня», – подумал Бенвенуто, но не почувствовал никакого сожаления. Он успел соткать коврик, и девушка была теперь самым счастливым человеком на свете.

В другой раз Бенвенуто довелось повстречаться с одним старым-престарым стариком.

– Мне так жаль, – говорил старик, вздыхая, – мне так жаль, что приходится умирать, не сыграв напоследок в карты. Все мои друзья уже умерли.

– Ну, а если дело только за этим, – сказал Бенвенуто, – то в подкидного я тоже умею.

И они стали играть. Бенвенуто не хотел садиться, но старик вдруг раскричался на него:

– Ты нарочно остался стоять, чтобы подсматривать сверху в мои карты! Хочешь нечестно обыграть меня! Хочешь воспользоваться тем, что я бедный, несчастный старик!

И Бенвенуто, как упал от неожиданности на стул, так и не вставал с него до конца игры. Он так растерялся, что перепутал карты и проиграл. А старик потирал руки от удовольствия, словно мальчишка, наворовавший груш.

– Еще разок! – весело предложил он.

Бенвенуто хотел было подняться с этого стула, который отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни, но ему жаль было огорчать бедного старика. Он продолжал сидеть и проиграл во второй раз, а затем и в третий. Старик, казалось, помолодел от радости.

– Эти годы он взял у меня, – пробормотал Бенвенуто, глядя на себя в зеркало. Волосы его словно покрылись инеем. – Ну ничего, – утешал он себя, – кто знает, сколько уже времени этот старик мечтал поиграть в карты...

И так каждый раз, когда нашему Бенвенуто случалось присесть, чтобы помочь кому-нибудь, у него седели волосы. Потом постепенно согнулась спина, точно дерево под сильным

ветром, и потускнели глаза. Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту старел. Скоро у него уже не осталось ни одного темного волоса, Люди, знавшие его историю, говорили:

– Много же пользы принесли тебе твои добрые дела, Бенвенуто! А ведь думай ты только о себе, был бы ты сейчас молодым парнем.

Но Бенвенуто не соглашался с такими речами. Каждый седой волос напоминал ему о каком-нибудь добром деле. Так о чем же ему было жалеть?!

– Ты мог бы сохранить жизнь для себя, а не раздавать ее всем понемножку, – говорили ему соседи.

Но Бенвенуто только улыбался и качал головой. Он думал о том, что каждый седой волос помог ему найти нового друга, и таких друзей у него были тысячи и тысячи. Бенвенуто не знал устали в своих странствиях, хоть и опирался теперь на палку и часто останавливался, чтобы передохнуть.

– Скитался я, скитался, попал вот в эту страну и решил в ней поселиться, – закончил свой рассказ Бенвенуто, – я здесь я продолжаю заниматься отцовским ремеслом – ремеслом старьевщика.

– Но ведь на свете сколько угодно других стран, – удивился Цоппино, – почему бы вам не выбрать какую-нибудь получше этой?

Бенвенуто улыбнулся:

– В этой стране люди нуждаются в моей помощи больше, чем в любой другой. Это ведь самая несчастная страна на свете. Значит, тут мне и место.

– Как это верно! – воскликнул Джельсомино. Он растрогался до слез, слушая рассказ старика. – Вот самый правильный путь! Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Он должен помогать людям, а не приносить им несчастья.

– Ну, это тебе будет нелегко, – заметил Цоппино, – например, не вздумай напевать колыбельную песенку – детишки только пуще разревутся. Ведь твой голос способен перебудить целую страну.

– Но будить спящих тоже бывает иногда очень полезно, – заметил Бенвенуто.

– Этим я и займусь! – решительно заявил Джельсомино.

– Нет, сначала ты займешься своим коленом, – сказал Цоппино.

Колено действительно все распухало и распухало. Джельсомино уже не мог ни ходить, ни стоять. Тогда решили, что он, пока не поправится, будет жить у Бенвенуто. Ведь он почти никогда не спал и мог позаботиться о том, чтобы Джельсомино не распевал во сне и не угодил таким образом в лапы полиции.

Глава пятнадцатая, в которой Бананито переселяется в тюрьму и готовит себе завтрак при помощи карандаша

Бананито, как вы помните, вышел рано утром из дома и пошел куда глаза глядят. У него не было никаких определенных планов. Просто ему хотелось поскорее что-нибудь нарисовать, чтобы показать всем свое мастерство.

Привратники, орудуя шлангами, поливали водой улицы. Они перебрасывались шутками с рабочими, которые, нажимая на педали велосипедов, спешили на фабрику, ежеминутно рискуя попасть под холодный душ. Утро было ясным и светлым. Бананито чувствовал, как в его голове бродят тысячи великолепных замыслов. Внезапно ему почудился необыкновенный аромат и показалось, что среди булыжников мостовой вдруг распустились мириады фиалок.

«Вот самое лучшее из того, что я мог бы сделать!» – решил Бананито. И там же, где стоял, около ограды какой-то фабрики, он уселся на тротуар, достал из коробки кусок мела и принялся за работу. Вокруг сразу же столпились рабочие.

– Готов спорить, – сказал один из них, – что сейчас он нарисует кораблик или каких-нибудь голубков. Только где же собака, что держит шапку для подаяния?

– Я слышал однажды, – сказал другой рабочий, – такую историю. Какой-то художник провёл на земле красную черту. Люди, что собрались вокруг, стали ломать себе голову соображая, что бы это значило.

– Ну и что же?

– Спросили наконец у художника. И он ответил: «Я хочу посмотреть, кто из вас сможет пройти под этой чертой, а не над ней». Потом он надел шляпу и ушел. Он, наверное, был немножко...

– Ну, этот, пожалуй, еще в своем уме, – перебил кто-то. – Посмотрите.

Бананито ни на секунду не отрывался от работы и рисовал так быстро, что трудно было уследить за его рукой. И на тротуаре в точности так, как он задумал, возникла целая клумба настоящих фиалок. Это был всего лишь рисунок, но такой прекрасный, что воздух внезапно оказался напоенным ароматом цветов.

– Мне кажется, я чувствую запах фиалок, – прошептал один из рабочих.

– Скажи лучше – запах тыквы, а не фиалок, пе то тебя в два счета упрячут в кутузку, – посоветовал ему товарищ. – Но запах чувствуется – это верно!

Все молча стояли вокруг Бананито. Было так тихо, что слышалось даже, как поскрипывает его мелок. С каждым новым штрихом, ложившимся на тротуар аромат фиалок все усиливался. Рабочие заволновались. Они переминались с ноги на ногу, перекладывали свертки с завтраками из руки в руку, делали вид, будто проверяют, хорошо ли накачаны шины велосипедов, но не упускали из виду ни одного движения Бананито и только потягивали носами, чтобы полнее насладиться чудесным ароматом, который так радовал сердце.

Взвыл заводской гудок, призывавший их на работу, но никто не двинулся с места. Кругом только и раздавалось: «Молодчина! Вот это молодчина!»

Бананито оторвался наконец от работы, взглянул на собравшихся и прочел в их глазах столько благодарности, что даже смутился. Он собрал свои краски и поспешно зашагал прочь.

Один из рабочих догнал его:

– Что с тобой? Куда ты? Подожди минутку, сейчас мы вывернем карманы и отдадим тебе все наши деньги. Никому из нас еще не доводилось видеть такие замечательные рисунки.

– Спасибо, – пробормотал Бананито, – большое спасибо!

И он поспешил на другую сторону улицы, чтобы поскорее остаться одному. Сердце его билось так сильно, что куртка на груди приподнималась, как будто под нею прятался котенок. Бананито был по-настоящему счастлив. Он долго бродил по городу, не решаясь, однако, приняться за какой-нибудь новый рисунок.

В голове у него возникали сотни замыслов, но он отбрасывал их один за другим. Наконец, увидев бродячую собаку, Бананито окончательно понял, что ему следует делать. Он уселся тут же на тротуаре и стал рисовать. В Стране Лгунов всегда найдутся люди, которым нечего делать и которые поэтому слоняются по улицам. Это профессиональные прохожие или, попросту говоря, безработные. Около Бананито опять собралась небольшая группа зрителей, и они стали отпускать замечания на его счет:

– До чего же горазд на выдумки! Вздумал рисовать кошку, как будто их и так мало в городе.

– Это не простая кошка, – весело сказал Бананито.

– Слышали? Он рисует особенную кошку! В наморднике, что ли, будет твоя кошка?

Споры прекратились, как по волшебству, когда Бананито в последний раз провел кистью по хвосту своей собаки, и та, вскочив с земли, залилась веселым лаем. Толпа испустила крик изумления. В ту же минуту прибежал полицейский:

– Что такое? Что случилось? Ага, вижу! Даже слышу! Лающая собака! Как будто с нас мало было мяукающих котов! Чья она?

Толпа поспешно разошлась, чтобы не отвечать ему. Только один, бедняга, не смог вернуться, потому что стоял рядом, и полицейский ухватил его за рукав.

– Это его кошка, – ответил он и, показав на Бананито, опустил глаза.

Полицейский отпустил парня и вцепился в художника:

– Ну-ка, отправляйся со мной!

Бананито ничего не оставалось делать. Он собрал свои краски и, ничуть не огорчившись, последовал за полицейским. А собака, повилявая хвостом, отправилась по своим делам.

Художника посадили в тюремную камеру и велели ждать, пока его допросит начальник полиции. У Бананито горели руки, так ему хотелось поработать. Он нарисовал небольшую птичку и подбросил ее в воздух. Но птичка не улетела. Она уселась ему на плечо и стала ласково поклевывать его ухо.

– А, ты, наверное, хочешь есть! – догадался Бананито.

Он нарисовал птичке горстку зернышек проса и вспомнил при этом, что и сам еще не завтракал.

«Яичницы из двух яиц мне бы вполне хватило. И пожалуй, неплохо было бы съесть большой спелый персик», – подумал он и нарисовал все, что ему хотелось. Скоро аппетитный запах яичницы распространился по камере, проник за дверь и защекотал ноздри стражника.

– Гм, как вкусно пахнет! – сказал стражник, потягивая носом и стараясь подольше насладиться запахом.

Но потом он забеспокоился и открыл глазок камеры. Увидев заключенного, который с аппетитом уплетал яичницу, стражник окаменел от изумления. В таком положении его и застал начальник стражи.

– Замечательно! – закричал он вне себя от гнева. – Великолепно! Оказывается, заключенным теперь носят обеды из ресторана!

– Я не... я не... – только и мог пролепетать стражник.

– Ты не знаешь порядка! Хлеб и вода! Вода и хлеб! И ничего больше!

– Я не знаю, откуда у него все это, – промолвил наконец стражник, – может быть, яйца были у него в кармане...

– Ну да, а жаровня, на которой он их поджарил? Тоже была у него в кармане? Я вижу, стоит мне отлучиться, как в тюремных камерах появляются кухонные плиты...

Но начальнику стражи тут же пришлось признать, что никакой плиты в камере нет и в помине. А Бананито, чтобы выручить стражника, решил рассказать, каким образом он приготовил себе завтрак.

– Ну нет, я не такой дурак! Меня не проведешь! – сказал начальник стражи, с недоверием выслушав художника. – А прикажи я тебе подать камбалу в красном вине, что бы ты стал делать?

Вместо ответа художник взял лист бумаги и принялся рисовать заказанное блюдо.

– Как угодно, с петрушкой или без нее? – поинтересовался он между прочим.

– С петрушкой, – посмеиваясь, ответил начальник стражи. – Ты и впрямь принимаешь меня за дурака. Ну, ничего, когда закончишь, я заставлю тебя самого съесть этот лист бумаги!

Но когда Бананито кончил рисовать, от рисунка повалил вкусный пар и все почувствовали запах жареного, а через несколько мгновений камбала в красном вине уже дымилась на столе и, казалось, так и просила: «Съешь меня! Съешь меня!»

– Приятного аппетита! – сказал Бананито начальнику стражи, у которого от изумления глаза на лоб вылезли. – Ваш заказ выполнен.

– Мне... что-то... не хочется есть, – пробормотал тот, с трудом приходя в себя от удивления. – Отдай камбалу стражнику и следуй за мной!

Глава шестнадцатая, в которой Бананито становится министром и тут же впадает в немилость

Начальник стражи вовсе не был глупцом. Напротив, он был хитрым пройдохой.

«За этого человека, – рассуждал он, сопровождая Бананито в королевский дворец, – можно получить столько золота, сколько он весит. Даже, может быть, на несколько центнеров побольше. Сундук у меня достаточно глубок, так почему бы не отправить в него несколько мешков золота? Ведь места оно не пролежит... Король наверняка щедро наградит меня».

Но надежды его не оправдались. Король Джакомоне как только узнал, в чем дело, повелел немедленно привести к нему художника. А с начальником стражи обошелся весьма сурово и, лишь отпуская его, изрек:

– За то, что ты нашел этого человека, жалую тебе Большую Фальшивую медаль!

«Как же, нужна мне твоя медаль... – проворчал начальник стражи, – у меня их уже две дюжины, и все картонные. Будь у меня дома хромоногие столы, можно было бы подкладывать эти медали под их ножки, чтоб не шатались».

Пусть себе начальник стражи бормочет все, что ему хочется. Оставим его в покое и посмотрим лучше, как встретились Бананито и король Джакомоне.

Художник ничуть не растерялся в присутствии столь высокой особы и спокойно ответил на все его вопросы. 180

Разговаривая с Джакомоне, Бананито любовался его прекрасным оранжевым париком, который сиял на голове короля, словно груды апельсинов на прилавке.

– Что это ты так разглядываешь? – спросил король.

– Ваше величество, я люблюсь вашими волосами.

– Гм! А ты мог бы нарисовать такие же хорошие волосы? – Джакомоне вдруг загорелся надеждой, что Бананито нарисует волосы прямо на его лысине, они станут настоящими и их не придется убирать на ночь в шкаф.

– Столь же прекрасные, конечно, нет! – ответил Бананито, думая доставить королю удовольствие этим комплиментом.

В глубине души он немного сочувствовал ему, как всякому человеку, страдающему из-за своей лысины. Ведь столько людей обрезают волосы только для того, чтобы не причесывать их. К тому же о людях не судят по цвету волос. Будь у Джакомоне самые настоящие черные волнистые кудри, все равно он остался бы таким же пиратом и негодяем, каким был.

Джакомоне горестно вздохнул и решил, что велит расписать свою лысину в другое время.

«Лучше, пожалуй, – подумал он, – сначала использовать его как-нибудь иначе. Можно, например, с его помощью прослыть в истории великим королем!»

– Я назначаю тебя, – сказал он художнику, – министром зоологического сада. Около дворца есть чудесный парк, но в нем нет никаких зверей. Ты должен нарисовать их. И смотри никого не забудь, иначе...

«По правде говоря, лучше уж быть министром, чем сидеть в тюрьме», – рассудил Бананито. И еще до захода солнца, на глазах у изумленных зрителей, он нарисовал сотни различных животных, которые тут же оживали. Это были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны... И еще были собаки, много-много собак – дворняжки, лайки, борзые, таксы, пудели... Все они, к великому ужасу придворных, громко лаяли.

– Чем только все это кончится? – перешептывались придворные. – Его величество позволяет собакам лаять! Это же против всяких законов! Наслушавшись собачьего лая, народ, чего доброго, наберется опасных мыслей!

Но Джакомоне распорядился не беспокоить Бананито и разрешил ему делать все, что он захочет. Поэтому придворным оставалось только давиться от злости.

Животные, по мере того как Бананито создавал их, занимали свои места в клетках. В бассейнах теперь плавали белые медведи, тюлени и пингвины, а по аллеям бегали сардинские ослики, те самые, на которых обычно катают в парках детей.

В этот вечер Бананито не вернулся в свою каморку. Король отвел ему комнату в своем дворце. Опасаясь, как бы художник не сбежал, Джакомоне приставил к нему на ночь десять стражников.

На другой день, когда Бананито нарисовал всех животных, какие есть на свете, и в зоопарке уже больше нечего было делать, король назначил его министром съестных припасов (или, как он выразился, министром канцелярских товаров).

Перед воротами дворца поставили стол с кистями и красками и посадили за него Бананито. А горожанам сказали, что они могут просить у художника любое кушанье, какое только захотят.

Вначале многие попали впросак. Просили, например, у Бананито чернил, подразумевая хлеб (как и полагалось по «Словарю Лгунов»), – художник и рисовал бутылку чернил, да еще поторапливал:

– Ну, кто там следующий?

– На что она мне?! – восклицал злополучный проситель. – Я же не могу ни съесть, ни выпить эти чернила!

Так что очень скоро люди поняли: хочешь получить от Бананито что-либо, называй вещи настоящими именами, хоть они и запрещены.

Придворные просто из себя выходили от возмущения.

– Куда же это годится?! Чем дальше, тем хуже! – шипели они, позеленев от злости. – Это плохо кончится! Еще немного, и люди перестанут лгать! Что стряслось с нашим королем?

А король Джакомоне все ждал, когда к нему явится мужество, чтобы попросить художника нарисовать настоящие волосы. «Тогда можно будет не бояться ветра», – думал он и тем време-

нем позволял Бананито делать все, что ему заблагорассудится. Придворные были вне себя от негодования.

Королевские генералы – те тоже не находили места от ярости.

– В кои-то веки в наших руках оказался такой человек, как этот художник, и что же? Как мы его используем? Яичницы, цыплята, мешки жареной картошки, горы шоколада... Пушки нам нужны, пушки! Тогда мы создадим непобедимую армию и раздвинем границы нашего государства!

Один самый воинственный генерал отправился к королю и рассказал ему об этих планах. У старого пирата Джакомоне закипела кровь.

– Пушки! – обрадовался он. – Конечно, пушки! И корабли, самолеты, дирижабли... Клянусь рогами дьявола! Позвать сюда Бананито!

Уже много лет подданные не слышали, чтобы король вспоминал рога дьявола. Это было его самое любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике, воодушевлял своих пиратов ринуться на abordаж какого-нибудь беззащитного судна.

Тотчас же прекратили раздачу съестного и привели Бананито к Джакомоне. Слуги уже развесили на стенах комнаты географические карты и приготовили коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих сражений и побед.

Бананито спокойно выслушал все, что ему сказали, не прерывая разгоревшихся вокруг него споров. Но когда ему вручили бумагу и карандаш, чтобы он тут же, без промедления, начал отливать пушки, Бананито взял большой лист бумаги и огромными буквами написал на нем только одно слово: «Нет!» Затем он пронес этот лист по всему залу, чтобы все увидели его ответ.

– Синьоры, – сказал он затем, – хотите кофе? Пожалуйста, в одну минуту я приготовлю вам его. Хотите лошадей, чтобы поохотиться на лисиц? Могу нарисовать вам самых лучших чистокровных скакунов. Но о пушках лучше забудьте. Пушек вы никогда от меня не получите!

Вот когда разразился настоящий скандал! Все закричали, зашумели, застучали кулаками по столу. Только один Джакомоне, чтобы не ушибить руку, позвал слугу и стукнул по его спине.

– Голову! Отрубить ему сейчас же голову! – кричали придворные со всех сторон.

– Лучше сделаем так, – рассудил Джакомоне. – Пока что не будем лишать его головы. Дадим ему время привести ее в порядок. По-моему, ясно как день, что этот человек не в своем уме. Наверное, именно поэтому он и рисует такие прекрасные картины. Посадим-ка его на некоторое время в сумасшедший дом.

Придворные стали было ворчать, что это слишком мягкое наказание. Но они понимали: Джакомоне еще надеется обзавестись настоящими волосами – и умолкали.

– Пока же, – продолжал Джакомоне, – запретить ему рисовать!

Так Бананито тоже оказался в сумасшедшем доме. Художника посадили в отдельную палату и не оставили ему ни бумаги, ни карандаша, ни кисти, ни красок. В палате не нашлось даже ни кусочка кирпича или мела, потому что стены были обиты войлоком. И так как Бананито оставалось рисовать только кровью, то он решил отложить на время работу над своими шедеврами.

Он растянулся на скамье, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Потолок был совершенно белый, но Бананито видел на нем чудесные картины – те, которые он непременно напишет, едва только окажется на свободе. А в том, что он будет освобожден, Бананито ни сколько не сомневался. И он был прав, потому что кое-кто уже позаботился о его спасении. Вы, конечно, догадались, что это был Цоппино.

Глава семнадцатая, в конце которой Цоппино снова становится рисунком

Когда в доме Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, где Джельсомино лечил свое колено, узнали, что художник Бананито сделался министром, котенок решил отправиться к нему, чтобы подать прошение об освобождении тетушки Паннокки и Ромолетты. Но, к сожалению, опоздал. Когда он добрался до дворца, художника там уже не было.

– Хочешь взглянуть на Бананито, – смеиваясь, сказал ему стражник, – так ступай в сумасшедший дом. Правда, еще не известно, пустят ли тебя туда. Разве только если ты тоже не в своем уме.

Цоппино долго соображал, притвориться ли ему помешанным, чтобы попасть в сумас-

шедший дом, или лучше поискать туда какую-нибудь другую дорогу.

– Ну, лапки мои, выручайте, – сказал он наконец, – теперь вчетвером вам будет немного полегче карабкаться по стенам.

Сумасшедший дом, вернее сумасшедшие помещались в мрачном, похожем на замок здании, окруженном глубоким ровом с водой. Цоппино пришлось принять небольшую ванну. Он бросился в воду, переплыл ров, вскарабкался по стене, юркнул в первое же открытое окошко и очутился на кухне. Все повара и слуги в это время спали, и тут был только маленький поваренок, которому велели вымыть пол. Увидев Цоппино, он закричал:

– Брысь! Брысь! Вон отсюда, противный котенок! Пора бы уже знать, что здесь не бывает обедков!

Несчастный поваренок вечно страдал от голода и съедал все кухонные отходы до последней рыбной косточки. Поэтому он и поспешил выгнать котенка. В страхе, что тот утащит у него что-нибудь, поваренок открыл дверь и выпустил его в коридор.

Направо и налево нескончаемо тянулись палаты сошедших с ума, а точнее говоря, совершенно здоровых заключенных. Вся их болезнь состояла лишь в том, что они неосторожно сболтнули где-то правду и попались при этом ищейкам Джакомоне.

Некоторые палаты были без дверей и отделялись от коридора лишь толстой железной решеткой; другие, напротив, имели тяжелые железные двери с маленькими окошками для передачи пищи. Заглянув в одно из этих окошек, Цоппино увидел семерых котов тетушки Панноккьи и, что удивило его гораздо больше, своего старого знакомого Тузика. Коты спали вповалку прямо друг на друге и видели, должно быть, прекрасные сны. У Цоппино не хватило мужества разбудить их, тем более что в этот момент он все равно ничем не мог им помочь. В той же палате, как вы знаете, сидел и Калимеро Денежный Мешок. Калимеро не спал и, увидев Цоппино, стал умолять его:

– Приятель, раздобудь-ка мне мышку, а? Ведь ты разгуливаешь на свободе! Одну-единственную мышку! Как давно уже я не держал в своих когтях мыши!

«Вот это настоящий сумасшедший!», – подумал Цоппино и закрыл окошко. Он не был знаком с Калимеро.

В конце коридора находилась самая большая палата, в которой было заперто человек сто. Среди них были и тетушка Панноккья с Ромолеттой. Если бы в палате горел свет, Цоппино увидел бы их. А если бы к тому же тетушка Панноккья не спала, она непременно схватила бы Цоппино за хвост по своей старой привычке. Но свет не горел, и тетушка Панноккья спала крепким сном. Цоппино на цыпочках пробрался через палату и вышел на лестницу, которая вела наверх. Там после долгих поисков он отыскал наконец палату, в которую упрятали Бананито.

Художник спокойно спал, закинув руки за голову, и видел во сне великолепные картины, которые ему предстояло написать. Но в одной из этих картин вдруг образовалась дыра, из чудесного букета цветов вдруг выглянула кошачья мордочка и громко мяукнула. Бананито проснулся, взглянул на дверь и сразу же вспомнил, что он – в сумасшедшем доме. Но окошко в двери было приоткрыто, и в нем виднелась голова мяукающего Цоппино.

– Бананито! Бананито! Ну и крепко же ты спишь!

– Вот чудеса! Голову даю на отсечение, что эти усы принадлежат Цоппино!

– Проснись, говорят тебе! Это я, Цоппино! Да, это я, и даже лапка, которую ты мне сделал, со мною Она действует превосходно.

Говоря это, Цоппино изловчился, пролез в окошко и прыгнул в палату.

– Я пришел, чтобы выручить тебя.

– Спасибо, милый Цоппино, но как?

– Еще сам не знаю. Хочешь, украду ключи у сторожей?

– Но они могут проснуться.

– Хочешь, прогрызу в двери дырку?

– Эх, будь у тебя сверла вместо зубов, – может быть, и удалось бы... Нет, знаешь, что нам нужно?

– Что?

– Напильник! Достань мне напильник, а об остальном я сам позабочусь.

– Есть! Я мигом разыщу тебе его! Бегу!

– Все можно было бы сделать гораздо быстрее, – остановил его Бананито, – я мог бы про-

сто нарисовать напильник, но эти каналы не оставили мне даже огрызка карандаша!

– Так зачем же дело стало! – воскликнул Цоппино. – Вот тебе мои лапки! Или ты забыл, что они из мела и масляной краски?

– Это верно... Но ведь они станут корочке... Цоппино и слышать ничего не хотел:

– Пустяки! Нарисуешь мне потом новые!

– Так как же выбраться из палаты?

– Нарисуй напильник!

– А как спуститься вниз?

– Нарисуй парашют!

– А как перебраться через ров?

– Нарисуй лодку!

Когда Бананито кончил рисовать все, что требовалось для побега, лапка Цоппино превратилась в крохотную культяпку.

– Видишь, – засмеялся Цоппино, – как хорошо, что я не изменил себе имя. Хромоножкой был, хромоножкой и остался.

– Давай я нарисую тебе новую лапу, – предложил Бананито.

– Сейчас некогда. Надо успеть, пока не проснулись сторожа.

И Бананито принялся за работу. К счастью, он нарисовал такой острый напильник, что тот врезался в железо, как нож в масло. Через несколько минут в дверях уже зияло большое отверстие; через него наши друзья выбрались в коридор.

– Зайдем за тетушкой Панноккьей и Ромолеттой, – предложил Цоппино, – да и котов не стоило бы забывать.

Но скрежет напильника все-таки разбудил сторожей. Чтобы навести порядок, они стали обходить ги-латы.

Бананито и Цоппино услышали их тяжелые размеренные шаги, раздававшиеся в соседнем коридоре.

– Нужно добраться до кухни, – сказал Цоппино, – раз уж не можем убежать все вместе, удерем хотя бы вдвоем. На свободе от нас будет больше проку, чем здесь.

Едва они появились на кухне, как голодный поваренок снова напустился на Цоппино:

– Я же только что выгнал тебя, бесстыжий обжора! А ты опять норовишь отнять у меня последние объедки! Ну, быстро! Вот окно – полезай в него! А утонешь, так туда тебе и дорога!

Он был так сердит и встревожен, что даже не обратил внимания на Бананито. Бедного поваренка беспокоил только кот, который, по его мнению, мог оставить его без ужина. Бананито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Цоппино:

– Ну, в дорогу!

– Да, да! В дорогу! В дорогу! И больше тут не показывайтесь! – проворчал поваренок.

Только когда беглецы скрылись, он заподозрил что-то неладное.

– А этот другой, кто бы это мог быть? – стал соображать он, схватившись за голову. И чтоб не навлечь на себя беды, решил притвориться, будто ничего не видел и ничего не слышал. Затем поваренок откопал в куче очистков капустную кочерыжку, и урча от удовольствия, вцепился в нее зубами.

Не прошло и десяти минут, как бегство Бананито было обнаружено. Сторожа высовывались из окон сумасшедшего дома и кричали:

– Караул! Караул! Сбежал буйнопомешанный!

Как раз в это время Бананито и Цоппино, пригнувшись к самому дну лодки и гребя руками, переплыли через ров. Но не уйти бы им от преследователей, если б на том берегу их не ждал со своей тележкой Бен-венуто-не-присядь-ни-на-минуту.

– Скорее! Прячьтесь сюда! – велел старьевщик. Он помог им забраться в тележку и забросал сверху кучей тряпья, а сторожам, которые вскоре подбежали к нему, он сказал: – Вон там ищите! Они туда побежали, – и махнул рукой вдаль.

– А ты что тут делаешь?

– Я бедный старьевщик. Я устал и остановился передохнуть.

И чтобы ему поверили, Бенвенуто присел на край тележки и закурил трубку. Бедный Бенвенуто, он прекрасно понимал, что станет сейчас совсем старым и в несколько минут лишится нескольких месяцев жизни. Но он продолжал сидеть.

«Годы, что я теряю сейчас, – думал он, – наверняка продлят жизнь моим друзьям», – и он выпустил изо рта клуб дыма прямо в лицо стражникам.

К несчастью, в это самое мгновение у Цоппино защекотало в носу. Тряпки, что укрывали его, были довольно пыльными, и только какой-нибудь носорог мог бы сказать, что они были надушены. Цоппино попытался лапками зажать себе нос, но слишком поздно вспомнил, что из передних лапок у него осталась только одна. И он громко чихнул. Так громко, что поднял целое облако пыли.

Чтобы не подвести Бананито, Цоппино тут же выскочил из тележки и задал стрекача.

– Кто это? – удивились стражники.

– Кажется, какая-то собака, – ответил Бенвенуто, – да, собака. Спряталась, должно быть, среди тряпок. Вон как улепetyвает.

– Ага! – решили стражники. – Раз улепetyвает, Еначит, совесть нечиста. Догнать ее!

И Цоппино услышал за собой тяжелый топот, услышал тревожные крики и обрадовался: «Если они погонятся за мной, то оставят в покое Бенвенуто и Бананито».

Он пробежал почти через весь город, а стражники все гнались за ним, высунув языки. Вот площадь перед королевским дворцом, вот колонна, на которой Цоппино провел однажды такую хорошую ночь...

– Ну, последний прыжок, – сказал Цоппино своим лапкам, – и мы будем в безопасности!

И лапки с такой готовностью откликнулись на его призыв, что Цоппино, вместо того чтобы вскарабкаться на колонну, со всего разбега налетел на нее и тут же превратился в рисунок – в набросок трехлапного котенка. Правда, в тот момент он не пожалел об этом, потому что стражники остались, как они сами писали потом в донесении, с носом.

– Куда она провалилась? – спрашивали они друг друга.

– Я видел, как она бросилась к колонне...

– Но поблизости никого нет...

– Тут что-то нацарапано. Смотри – какой-то проказник стащил в школе мел и нарисовал на колонне собаку.

– Что ж, пойдем отсюда. Детские каракули – не наше дело.

А Бенвенуто между тем катил свою тележку к дому, останавливаясь время от времени, чтобы отдышаться. По пути он даже присел два-три раза, потому что уже еле держался на ногах от усталости. Словом, когда он выходил из дому, ему было около восьмидесяти лет, а когда вернулся обратно, ему уже перевалило далеко за девяносто. Подбородок Бенвенуто уткнулся в грудь, глаза затерялись среди морщин, а голос стал еле слышным, как бы доносящимся из-под груды опилок:

– Бананито, проснись, приехали!

Но Бананито его не слышал – он уснул, пригревшись под тряпьем.

Глава восемнадцатая, в которой вы проститесь с Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту

– Что с тобой? Ты разговариваешь со своими тряпками? – За спиной Бенвенуто, который пытался разбудить художника, остановился ночной стражник.

– Разговариваю с тряпками? – переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

– Ну да! Я же слышал, как ты что-то говорил вот этому чулку. Или ты считал на нем дырки?

– Я, должно быть, говорил, сам того не замечая, – пробормотал Бенвенуто, – знаете, так устал... Целый день колесил по городу с этой тележкой. В мои годы это не так-то просто...

– Раз устали, так присядьте и отдохните, – сочувственно посоветовал стражник, – все равно в такой поздний час никто не станет продавать тряпки.

– Да, да, присяду, – согласился Бенвенуто и опустил на свою тележку.

– Знаете, я тоже с удовольствием отдохнул бы сейчас, – сказал стражник. – Позвольте?

– Отчего же, присаживайтесь!

– Спасибо! Знаете, ведь ночные сторожа тоже устают... И подумать только, когда-то я хотел стать пианистом, Пианисты всегда играют сидя, и вообще вся их жизнь проходит среди прекрасной музыки. Я даже в школьном сочинении писал об этом. У нас была такая тема – «Кем вы будете, когда вырастаете?». Я написал тогда: «Когда вырасту, я стану пианистом, объеду с концертами весь мир, заработаю много аплодисментов и стану знаменитым». Я не нажил славы да-

же среди воров, потому что до сих пор не поймал еще ни одного из них. Кстати, а вы не вор, случайно?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел было утешить стражника, но у него уже не было сил. Он чувствовал, как жизнь уходит от него с каждой минутой. Но он не позволял себе подняться и продолжал слушать разглагольствования стражника.

А стражник еще долго говорил о своей работе, о пианино, играть на котором ему так и не удалось научиться, о своих детях.

– Старшему уже десять лет, – рассказывал он, – вчера он тоже писал в школе сочинение. Ведь учителя из года в год дают одну и ту же тему – «Кем ты будешь, когда вырастешь?». «Я буду астронавтом, – написал мой сын, – и отправлюсь на спутнике на Луну!» Я очень хотел бы, чтобы так оно и вышло, но годика через два сыну придется бросить школу и подыскать себе работу, потому что одного моего жалованья маловато. А как по-вашему, это очень трудно – стать астронавтом?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел еще добавить, что это совсем нетрудно, что в мире нет ничего невозможного, что никогда не следует терять мужества и никогда не надо расставаться со своими мечтами. Но стражник даже не увидел, как Бенвенуто покачал головой. Когда он взглянул на него, ему показалось, что Бенвенуто уснул.

– Бедный старик, – пробормотал стражник, – видимо, он и в самом деле не на шутку устал. Ну, ладно, продолжим наш обход.

И он осторожно, на цыпочках, пошел дальше. Но Бенвенуто продолжал сидеть, даже не шевельнувшись. У него уже не было сил подняться.

«Я подожду их так, – вздохнул он про себя, – подожду сидя. Я сделал все, что было в моих силах. Теперь Бананито в безопасности».

Мысли Бенвенуто стали путаться, их как бы заволакивало туманом... Откуда-то издалека до него донеслось вдруг пение – кто-то напевал колыбельную песенку... Потом он уже больше ничего не слышал.

Но колыбельная песенка, друзья мои, не почудилась Бенвенуто. Нет, просто Джельсомино по своему обыкновению тихонько напевал во сне.

Голос его сначала заполнил комнату, затем разнесся по всему дому и наконец загремел по всем переулкам. Он разбудил Бананито, и тот вылез из-под груды тряпья.

– Бенвенуто, – позвал он. – Бенвенуто, где мы? Что происходит?

Но Бенвенуто уже не мог ответить ему.

Художник выбрался из тележки и стал трясти его за плечо, как вдруг заметил, что рука Бенвенуто ледяная. А вокруг все громче звучал голос Джельсомино, певшего нежную колыбельную песенку.

Бананито бросился наверх, разбудил Джельсомино и вместе с ним вернулся на улицу.

– Он умер! – воскликнул Джельсомино. – Он умер ради нас! Он потратил свои последние годы на то, чтобы спасти нас, пока мы спокойно спали.

В это время в конце улицы снова показался стражник, который только что разговаривал с Бенвенуто.

– Отнесем его в дом, – предложил Джельсомино. Но Бананито не пришлось помогать ему, потому что Бенвенуто стал теперь легким, как ребенок, и Джельсомино почти не чувствовал его на своих руках.

Стражник постоял некоторое время у тележки.

«Этот старьевщик живет, наверное, где-нибудь поблизости, – подумал он, – мне бы надо оштрафовать его за то, что он оставил свою тележку посреди улицы. Но старик был таким добрым... Сделаю вид, будто проходил другой стороной».

Бедный Бенвенуто! В его доме не было даже кровати, и пришлось положить его на пол, лишь подсунув под голову подушку.

Похороны Бенвенуто состоялись через два дня, после многих других событий, о которых вы еще ничего не знаете и о которых прочтете в следующих главах. На похороны пришли тысячи людей. И хотя каждый из них мог бы рассказать об одном из добрых дел Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, никто не стал произносить речей. Выступил только один Джельсомино. И первый раз в жизни он пел так тихо, что ничего не разбил и не сломал. Голос его был по-прежнему сильным, но звучал так мягко и нежно, что все слушавшие его почувствовали, как

сердца их становятся лучше и добрее. Но еще раньше, как я уже сказал, Бананито и Джельсомино обнаружили исчезновение котенка Цоппино. Сначала, расстроенные и опечаленные смертью Бенвенуто, они не придали этому особого значения, но потом забеспокоились.

– Он был со мной в тележке! – восклицал Бананито. – Я, правда, не видел его среди тряпок, но, представь себе, слышал, как он чихал.

– Он, конечно, опять впутался в какую-нибудь историю, – решил Джельсомино.

– Может быть, он вернулся в сумасшедший дом, чтобы выручить тетюшку Панноккью и Ромолетту?

– Все что-то делают, – чуть не плача сказал Джельсомино, – один только я сижу сложа руки. Видно, я только и могу, что бить люстры да пугать людей.

В таком отчаянии он еще никогда не был. И вдруг у него возникла великолепная мысль, яркая, как утренняя звезда.

– Нет! – воскликнул он. – Вы еще увидите, на что я способен!

– Куда ты? – удивился Бананито, видя, что Джельсомино вскочил и надевает куртку.

– Настал мой черед действовать! – ответил Джельсомино. – А тебе советую сидеть смирно – стражники ищут тебя. Скоро ты услышишь обо мне! И еще как услышишь!

Глава девятнадцатая, в которой Джельсомино поет во все горло и устраивает страшный переполох

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме мало-помалу воцарилось спокойствие уснули пациенты в палатах, уснули стражники в коридорах. Не спал только поваренок на кухне. Он вообще почти никогда не спал, потому что вечно хотел есть и все ночи напролет рылся в мусорном ящике, разыскивая что-нибудь съедобное.

Поваренку не было никакого дела до бегства Бананито и тщетных усилий его преследователей. Вполне понятно, что и до этого паренька, который остановился перед сумасшедшим домом и запел песню, поваренку тоже не было никакого дела. Он уплетал картофельную шелуху и, поглядывая на Джельсомино, качал головой:

– Вот уж действительно сумасшедший! Где это видано, чтобы молодой человек распевал серенады перед сумасшедшим домом, а не под окнами красивой девушки! Впрочем, это его дело... Однако, какой сильный голос! Готов спорить, что стражники сейчас заберут его.

Но стражники, измученные долгой и напрасной погоней за Цоппино, спали как убитые.

Джельсомино, чтобы попробовать голос, запел сначала совсем тихо, а потом постепенно все громче и громче. Поваренок от изумления открыл рот и даже забыл про картофельные очистки.

– Вот это да! Даже есть расхотелось!

В эту минуту вдребезги разлетелось оконное стекло, возле которого стоял поваренок, и осколки чуть не угодили ему в нос.

– Эй! Кто там кидается камнями?

И, как бы в ответ на его вопрос, на всех этажах огромного мрачного здания, на всех его этажах одно за другим со страшным звоном посыпались стекла. Стражники разбежались по палатам, решив, что больные подняли восстание, но скоро убедились, что это не так, потому что пациенты хотя и проснулись, вели себя спокойно и с удовольствием слушали пение Джельсомино.

– Кто это бьет стекла? – возмущались стражники.

– Тише! – шикали на них со всех сторон. – Не мешайте слушать! Какое нам дело до стекол? Они ведь не наши.

Потом стали раскалываться на куски железные решетки на окнах. Они ломались, как спички, и, плюхнувшись в ров, камнем шли ко дну.

Начальник сумасшедшего дома, узнав о происходящем, задрожал как осиновый лист.

– Знаете, мне что-то стало холодно, – объяснил он секретарям, а про себя подумал: «Началось землетрясение!» Он вызвал служебный автомобиль. – Я еду на доклад к министру! – бросил свой сумасшедший дом на произвол судьбы и спрятался на своей загородной даче.

– К министру! – злобно зашипели секретари. – Как же! К министру! Он попросту удрал! А мы должны погибать, как мыши в мышеловке! Ну, нет! Не бывать этому!

И один за другим, кто на машине, а кто пешком, они тоже помчались по подъемному мосту. Через мгновение часовые только их и видели.

К этому времени почти рассвело. По крышам скользнули первые солнечные лучи. И для Джельсомино это было как бы сигналом: «Пой еще громче!»

Если б вы только слышали, как он тогда пел! Его голос вырывался из горла, словно огонь из кратера вулкана. Все деревянные двери сумасшедшего дома давно уже рассыпались в пыль, а железные настолько погнулись, что уже и не походили больше на двери. Заключенные, которые еще оставались в палатах, выбежали теперь в коридор, шумно радуясь неожиданному освобождению. Часовые, служители, стражники сумасшедшего дома тоже поспешили к главным воротам и оттуда через подъемный мост ринулись на площадь. Все они вдруг почему-то вспомнили о каких-то важных делах.

– Мне нужно вымыть голову моей собачке! – говорил один.

– Меня пригласили провести несколько дней у моря! – говорил другой.

– А я не сменил воду моим золотым рыбкам и боюсь, как бы они не подохли.

Никто не смог откровенно признаться, что просто-напросто струсил, – слишком сильна была привычка лгать.

Словом, очень скоро из всего персонала сумасшедшего дома в нем остался один только поваренок с кочерыжкой в руках. Он так и стоял, открыв от изумления рот. Впервые в жизни ему не хотелось есть, и в его голове, словно струя свежего воздуха, пронеслась какая-то хорошая мысль.

Ромолетта первая в палате заметила, что стражники удрали.

– А чего же мы ждем? Тоже надо бежать! – предложила она тетушке Панноккье.

– Это против всех порядков, – возразила старая синьора. – Но, с другой стороны, ведь все порядки против нас. Поэтому – бежим!

Они взялись за руки и устремились к лестнице, по которой уже неслись вниз десятки людей. Сумятица была невероятная. Но тетушка Панноккья моментально различила в многоголосом шуме нежные голоса своих котов. А верные ученики Цоппино тоже, в свою очередь, сразу же отыскивали среди пестрой толпы бегущих высокую старуху с суровым лицом. Вскоре коты, громко мяукая, со всех сторон попрыгали на руки к своей покровительнице.

– Ну-ну, – заворчала тетушка Панноккья прослезившись, – пойдете домой. Один, два, три, четыре... Все тут? Семь, восемь! Даже на одного больше!

Восьмым оказался наш старый знакомый – Тузик. На руках у тетушки Панноккьи хватило места и для него. В это время Джельсомино перестал петь и принялся расспрашивать всех убежавших из сумасшедшего дома о Цоппино. Но никто ничего не знал о котенке. Тут уж Джельсомино совсем потерял терпение.

– Остался там кто-нибудь? – спросил он, показывая на сумасшедший дом.

– Никого, ни души! – ответили ему.

– Ну, тогда смотрите!

Он набрал полную грудь воздуха, как пловец перед прыжком в воду, сложил руки рупором, чтобы направить звук в нужном направлении, и испустил особенно громкий, просто невероятно громкий крик. Если у обитателей Марса и Венеры есть уши, то и они, конечно, слышали его на этот раз.

Достаточно вам сказать, что здание сумасшедшего дома закачалось, словно на него налетел сильнейший ураган. С крыши во все стороны брызнули черепицы, здание накренилось, зашаталось и со страшным грохотом рухнуло в ров, подняв тысячи брызг.

Все это произошло в одну минуту. Подтвердить может поваренок – он оставался на кухне до последнего мгновения и едва успел броситься в ров, чтобы переплыть его. На площадь он выбрался за миг до того, как все рухнуло.

А когда стены обвалились, громкое радостное «ура!» разнеслось по площади, и как раз в этот момент взошло солнце, словно кто-то предупредил его: «Скорее, поторопись, не то упустишь замечательное зрелище!»

Восхищенный народ столпился вокруг Джельсомино таким плотным кольцом, что даже журналистам не удавалось приблизиться к нашему певцу и попросить его поделиться своими

впечатлениями. Им пришлось удовольствоваться беседой с Калимеро Денежным Мешком, который угрюмо стоял в стороне.

– Не могли бы вы сказать несколько слов для газеты «Вечерняя ложь»? – обратились к нему журналисты.

– Мяу! – ответил Калимеро и повернулся к ним спиной.

– Изумительно! – вскричали журналисты. – Стало быть, вы один из очевидцев! Так расскажите нам, каким образом здесь ничего не случилось?

– Мяу! – снова ответил Калимеро.

– Чудесно! Значит, мы можем самым категорическим образом опровергнуть, что сумасшедший дом разрушен и заключенные разбежались по городу!

– Да поймите вы наконец, – вдруг рывкнул на них Калимеро, – поймите же вы наконец, что я – кот!

– То есть вы хотите сказать – собака? Ведь вы мяукаете совсем по-собачьи!

– Да нет же, я – кот! Самый настоящий кот и ловлю настоящих мышей! Вот и сейчас я отлично вас вижу. Можете попрятаться куда угодно, меня вы не проведете! Все равно вы – мыши, и все до одной попадете мне в лапы. Мяу! Мяу! Курня!

И, сказав это, Калимеро подпрыгнул и припал к земле. Журналисты поспешно спрятали свои авторучки и в страхе забрались в автомобили.

А отчаянно мяукавший Калимеро пролежал на том месте до самого вечера, пока его не подобрал какой-то сострадательный прохожий и не отправил в больницу.

Ровно через час вышел экстренный выпуск «Вечерней лжи». Всю первую страницу занимал огромный заголовок, набранный большими буквами:

НОВАЯ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОДЕЛКА ПЕВЦА ДЖЕЛЬСОМИНО. СВОИМ ПЕНИЕМ ОН НЕ РАЗРУШИЛ ДО ОСНОВАНИЯ СУМАСШЕДШИЙ ДОМ!

Редактор газеты потирал от удовольствия руки:

– Славненькое опроверженьице! Сегодня мы продадим по крайней мере сто тысяч экземпляров...

Но вышло наоборот. Мальчишки-газетчики, продававшие «Вечернюю ложь», стали скоро возвращаться в редакцию. Все они тащили обратно кипы нераспроданных газет. Никто не пожелал купить ни одного номера.

– Как? – вскричал редактор. – Что же тогда люди читают? Может быть, календарь?

– Нет, синьор редактор, – ответил какой-то мальчишка похрабрей, – календарь люди тоже не читают. Куда он годится, если декабрь в нем называется августом? Оттого, что изменилось название месяца, никому ие станет теплее. Все смеются нам прямо в лицо и советуют делать из ваших газет кораблики.

В эту минуту в комнату вбежала собачка редактора. Она только что вернулась с прогулки по городу, на которую сама себя сводила.

– Кис-кис! Иди сюда! Иди сюда, мой котеночек! – обрадованно позвал ее редактор.

– Гав! Гав! – ответила ему собака.

– Что? Да ты, кажется, лаешь?

Вместо ответа собака дружелюбно вильнула хвостом и залаяла еще громче.

– Да ведь это конец света! – вскричал редактор вытирая со лба пот. – Конец света!

Но это был всего лишь конец Королевства Лжи. После того как рухнул сумасшедший дом, на свободе оказались сотни правдивых людей. В городе появились лающие собаки, мяукающие коты, лошади, которые ржали по всем правилам зоологии и грамматики... В городе вспыхнула эпидемия правды, и большинство населения уже заболело ею. Торговцы спешили сменить ярлыки на своих товарах. Какой-то булочник снял вывеску, на которой было написано «Канцелярские товары», перевернул ее и на обратной стороне углем написал «Хлеб». Перед его лавкой сразу же столпился народ, и люди стали шумно выражать ему свое одобрение.

Но больше всего народу собралось на площади перед королевским дворцом. Этой толпой предводительствовал Джельсомино. Он громко распевал свои песни, и люди сбегались на его голос со всех концов города и даже из окрестных сел.

Джакомоне увидел из окна своего дворца эту огромную толпу и радостно захлопал в ладоши.

– Скорее! Скорее! – заторопил он своих придворных. – Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнес речь. Смотрите, люди собираются, чтобы поздравить меня с праздником!

– Гм, а какой же сегодня праздник? – спрашивали придворные друг друга.

Может быть, это покажется вам странным, но они еще ничего не знали о случившемся. Королевские сыщики, вместо того чтобы сообщить обо всем во дворец, попрятались кто куда. С другой стороны, коты, жившие во дворце короля Джакомоне, еще лаяли, – эти бедняги была последними лающими котами во всем королевстве.

Глава двадцатая, в которой Джельсомино своим пением изгоняет из страны короля Джакомоне

Никакой книги судеб, как вы знаете, на свете не существует. Нет такой книги, в которой предсказывалось бы все, что должно случиться. Чтобы написать подобную книгу, нужно быть, по меньшей мере, редактором газеты «Вечерняя ложь». Одним словом, книги судеб нет и не было даже во времена короля Джакомоне. И очень жаль, потому что, будь у короля такая книга, он мог бы прочесть в ней то, что должно было случиться в этот день, а именно: «Сегодня король Джакомоне не произнесет речи!»

Действительно, в то время как Джакомоне с нетерпением ждал, пока слуги откроют ему двери балкона, по всему дворцу, откликаясь на голос Джельсомино, со звоном посыпались стекла.

– Нельзя ли поосторожнее?! – закричал Джакомоне слугам.

В ответ он только услышал: «Трах-тах-тах-тах-тах!», которое донеслось из его спальни.

– Зеркало! – вскричал король. – Кто разбил мое любимое зеркало?

Удивленный, что никто не отвечает, его величество осмотрелся вокруг. Увы! Он остался совсем один. Министры, адмиралы, придворные и камергеры при первом же сигнале опасности, то есть при первой же высокой ноте Джельсомино, бросились по своим комнатам. Они без лишних слов отшвырнули прочь свои роскошные наряды, которые носили столько лет, и достали из-под кроватей старые чемоданы со своими пиратскими одеждами, бормоча при этом:

– Если не надевать на глаз черную повязку, то я, пожалуй, смогу сойти за городского мусорщика.

Или же:

– Если не пристегивать деревянную руку, никто меня не узнает.

При Джакомоне осталось только двое слуг, в обязанности которых входило открывать и закрывать балконные двери. И хотя стекол в дверях балкона уже не было, слуги стояли как вкопанные и время от времени протирали дверные ручки своими кружевными манжетами.

– Бегите уж и вы заодно, – вздохнул Джакомоне, – все равно дворец сейчас рухнет.

Действительно, в этот момент, словно хлопнушки, стали лопаться лампочки в люстрах – это Джельсомино запел в полную силу.

Слуги не заставили себя просить. Пятясь и кланяясь через каждые три шага, они добрались до двери, ведущей на лестницу. Тут они повернулись и, чтобы поскорее спуститься, съехали вниз по перилам.

А Джакомоне прошел в свою комнату, снял королевский наряд и надел костюм простого горожанина, который купил когда-то, чтобы неузнанным ходить по улицам своего города и слушать, что о нем говорят. (Правда, ему быстро разонравилось это занятие и он предпочел посылать в город своих сыщиков.) Костюм был коричневого цвета, он одинаково подошел бы и банковскому служащему, и профессору философии. А как хорошо сочетался коричневый цвет с оранжевым париком! Но, к сожалению, приходилось расстаться и с париком: он был слишком хорошо известен людям, куда лучше самой королевской короны.

– Мой любимый парик! – вздохнул Джакомоне. – Мои дорогие парики! – И он открыл шкаф, где ровными рядами висели его парики, похожие на головы марионеток, приготовленных к спектаклю. Тут уж Джакомоне не смог удержаться. Он схватил добрую дюжину париков и сунул их в чемодан.

– Я возьму вас с собой в изгнание! Вы будете напоминать мне об этих невозвратных счастливых днях!

И бывший король спустился по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Он вышел в парк. Ведь его уже тоже можно было не считать королевским. Но все равно он был прекрасным, зеленым, полным запахов цветов.

Джакомоне подышал еще немного этой поистине королевской атмосферой, затем открыл небольшую калитку, выходящую в какой-то переулок, убедился, что его никто не видит, и, пройдя метров сто, оказался на площади, в самой гуще народа, который восторженно приветствовал нашего Джельсомино.

Никто не узнал короля – ведь он впервые появился на улице лысым. Коричневый костюм и чемоданчик, который он держал в руке, придавали ему вид приезжего коммерсанта.

– Вы, должно быть, не здешний? – вдруг спросил его какой-то человек, дружески хлопнув по плечу. – Послушайте, послушайте, как поет наш Джельсомино! Вон он там, видите? Тот самый паренек... Увидев его на велосипедных гонках, вы не поставили бы за него и двух сольдо. А между тем слышите, какой голос?

– Слышу, слышу, – пробормотал Джакомоне, а про себя добавил: «И вижу!»

Он действительно увидел, как разлетелся на куски его любимый балкон, увидел то, о чем вы, наверное, уже догадываетесь, – королевский дворец рухнул, как карточный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу.

Тогда Джельсомино взял еще одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели на месте дворца лишь груды развалин.

– Кстати, – снова обратился к Джакомоне его сосед, – вам никто не говорил, что у вас великолепная лысина? Ведь вы не обидитесь на меня за эти слова, правда? Взгляните вот на мою.

Джакомоне провел рукой по своей голове и посмотрел на голову своего соседа, которая была круглой и гладкой, как резиновый мяч.

– В самом деле, прекрасная лысина, – согласился Джакомоне.

– Ну что вы! Лысина как лысина... Вот ваша – это да! Ваша – просто блестящая! Особенно сейчас, при солнце. Она так сверкает, что глазам больно.

– Ну что вы! Это слишком любезно с вашей стороны, – пробормотал Джакомоне.

– Да нет же, я нисколько не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если б вы были членом нашего клуба лысых, то вас непременно избрали бы его президентом.

– Президентом?

– Да, и единогласно!

– А что, разве есть такой клуб лысых?

– Конечно! Правда, до вчерашнего дня он существовал нелегально, но теперь он станет легальным. В него входят лучшие граждане нашего города. И знаете, стать членом клуба не так уже трудно. Нужно только, чтобы на голове у вас не было ни одного волоса. Находятся даже люди, которые вырывают себе волосы только ради того, чтобы войти в наш клуб.

– И вы говорите, что я...

– Ну да, вы могли бы стать президентом нашего клуба. Готов спорить на все что угодно!

Вот когда Джакомоне по-настоящему расстроился, «Значит, – подумал он, – я жестоко ошибся в выборе профессии. Вся моя жизнь – это сплошная ошибка. А теперь слишком поздно, чтобы начинать сначала».

Воспользовавшись общей толкотней, Джакомоне улизнул от своего собеседника, выбрался из толпы и пошел по безлюдным улицам. А в чемодане у него грустно шуршали двенадцать париков. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выглядывали головы, которые он как будто где-то уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы эти сразу же исчезали при виде этого толстого лысого гражданина в коричневом костюме.

Бывший король направился было к реке, решив положить конец своей неудавшейся жизни. Но, подойдя к воде, он передумал. Открыв чемодан, он вытащил из него парики и один за другим побросал их в воду.

– Прощайте, – прошептал Джакомоне, – прощайте, мои дорогие маленькие лгуны!

И парики поплыли по воде, но не затерялись бесследно. В тот же день их выудили мальчишки, что разбойничают на речных берегах не хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики

на солнце, напялили их себе на головы и устроили веселое шествие. Они пели песни и громко смеялись, им было невдомек, что они справляют поминки по владычеству короля Джакомоне.

Надо сказать, что самому Джакомоне еще повезло. Ведь он может просто уйти из своего королевства и даже, пожалуй, станет президентом или, по крайней мере, секретарем какого-нибудь клуба лысых.

Ну а пока он идет куда глаза глядят, вернемся в город и бросим последний взгляд на площадь перед дворцом.

Окончив свою разрушительную песню, Джельсомино вытер со лба пот и сказал:

– Ну вот... С этим тоже покончено... – Но на душе у него было тяжело: Цоппино все еще не отыскался.

– Где же он может быть? – спрашивал себя наш герой. – Я бы не хотел, чтобы он остался под развалинами сумасшедшего дома. Так недолго и до беды.

Но толпа отвлекла его от грустных мыслей.

– Колонна! – кричали со всех сторон. – Нужно сломать колонну!

– Зачем?

– На ней изображены походы короля Джакомоне. А это ложь, потому что Джакомоне никогда и носа не показывал из своего дворца!

– Хорошо, – согласился Джельсомино, – колонне я тоже пропою серенаду по всем правилам. Разойдитесь немного, чтобы она никого не придавила.

Люди, что стояли вокруг колонны, сразу же попятнулись, толпа на всей площади всколыхнулась, словно вода в ванне. И тогда Джельсомино увидел там, на колонне, в каких-нибудь двух метрах от земли хорошо знакомый рисунок трехлапного котенка.

– Цоппино! – радостно закричал он.

Рисунок заколебался, его линии на мгновение изогнулись, но затем снова застыли неподвижно.

– Цоппино! – еще громче позвал Джельсомино.

На этот раз его голос проник в мрамор, преодолел

его твердость, Цоппино отделился от колонны и прыгнул на землю.

– Уф! До чего же хорошо! – промяукал он, целуя Джельсомино в щеку. – Если б не ты, я бы так и остался приклеенным к этой колонне, и меня в конце концов смыло бы дождями. Я люблю чистоту – это всем известно. Но умереть смытым мне ничуть не улыбается...

– Но вы совсем забыли обо мне, друзья мои, – услышали они вдруг голос художника Бананито. Раздав направо и налево немало хороших толчков и пинков, он наконец протиснулся сквозь толпу к своим товарищам.

– Если с тобой еще раз случится что-нибудь подобное, я нарисую тебя заново, мой Цоппино, и ты станешь еще более красивым и совсем настоящим!

Трем друзьям, которые только что встретились, нужно многое рассказать друг другу. Поэтому оставим их в покое.

Ну а колонна? А она никому не мешает. Наоборот, ложь, изображенная на ней, будет напоминать людям о том, что когда-то в их стране властвовал бессовестный лгун и что достаточно было однажды только хорошо спеть песню, чтобы разрушить все его королевство.

Глава двадцать первая, в которой Джельсомино, чтобы никого не обидеть, забивает гол, а за ним и другой

Эта история будет совсем закончена, когда я сообщу вам самые последние новости. Дело в том, что, торопясь дописать предыдущую главу, я совсем забыл, что в кармане у меня лежат заметки, которые я сделал в тот день, когда Джельсомино рассказал мне о своих приключениях в Стране Лгунов. Из этих заметок явствует, в частности, что никто, никогда, нигде и ничего не слышал больше о короле Джакомоне. Поэтому я даже не могу вам сказать, стал ли он порядочным человеком или же пиратская натура взяла в нем верх и опять повлекла по дурной дороге.

Из этих заметок я узнал также, что Джельсомино, который был, в общем, доволен своими делами, проходя по главной площади, каждый раз чувствовал себя так неловко, словно в ботинок ему попал камешек.

– Разве так уж нужно было разрушать дворец и превращать его в грудку развалин? – упрекал он себя. – Разбей я лишь несколько стекол, Джакомоне все равно бы только и видели. А потом можно было бы позвать стекольщика, и все было бы в порядке.

Но вскоре Бананито позаботился о том, чтобы избавить друга от этого камешка. Он восстановил дворец своим обычным способом – при помощи нескольких листов бумаги и коробки красок. Он потратил на это полдня и не забыл даже про балкон. И когда на фасаде нового дворца появился балкон, люди потребовали, чтобы Бананито поднялся на него и произнес речь.

– Послушайте моего совета, – сказал Бананито, – издайте закон, запрещающий кому бы то ни было произносить речи с этого балкона. К тому же я художник, а не оратор. А если вам так уж хочется услышать речь, то обратитесь лучше к Джельсомино.

В этот момент на балконе появился Цоппино:

– Мяу! Мяу! Курня!

Люди заплодировали ему и не стали больше требовать никаких речей.

Из другого листка, найденного в кармане, я узнал, что тетушка Панноккья стала директором института по охране бездомных котов. И это очень хорошо. Уж теперь-то можно не опасаться, что кто-нибудь заставит котов лаять. Ромолетта вернулась в школу и сейчас, наверное, сидит в классе. Только не за партой, а за столом – у нее было достаточно времени, чтобы стать учительницей.

И наконец, на самом маленьком листке я нашел только одну строчку: «Война закончилась со счетом один-один». Вы только подумайте – я чуть не забыл рассказать вам о войне!

Это произошло через несколько дней после бегства короля Джакомоне. Оказывается, Джакомоне, рассчитывая на пушки, которые нарисует ему Бананито с помощью своего карандаша, тайне от своих подданных объявил войну одному из соседних государств. Самую настоящую войну, так что армии обоих государств уже отправились к границе, чтобы встретиться там и сражаться не на жизнь, а на смерть.

– Но мы совсем не хотим воевать, – заявили новые министры. – Мы же не такие пираты, как Джако-моне...

Один журналист отправился к Джельсомино, который теперь всерьез занимался музыкой, готовясь выступить с настоящим концертом.

– Что вы думаете о войне? – спросил его журналист.

– О войне? – удивился Джельсомино. – Предложите противникам устроить вместо войны хорошую футбольную встречу. Если при этом и окажется несколько ушибленных коленок, то крови, во всяком случае, прольется очень мало.

К счастью, эта мысль пришлась по душе и другой стороне, потому что там тоже никто не хотел воевать. И вот в одно из ближайших воскресений состоялся футбольный матч. Само собой разумеется, что Джельсомино болел за свою команду и так увлекся, что в один из самых острых моментов не выдержал и закричал: «Бей!» Тут мяч влетел прямехонько в сетку ворот противника, как это уже случилось в самой первой главе.

Но в ту же минуту Джельсомино закричал:

– Мы хотим только честной победы. В спорте не должно быть никакого обмана!

И немедленно забил гол в другие ворота. Я уверен, что на его месте вы бы, конечно, сделали то же самое.

